18+

Лилит-Осоль: Ключи одной души

полное собрание из 7 частей

Юлия Дубовицкая

Юлия Дубовицкая

Лилит-Осоль: Ключи одной души. Полное собрание из 7 частей

«Издательские решения»

Дубовицкая Ю.

Лилит-Осоль: Ключи одной души. Полное собрание из 7 частей / Ю. Дубовицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696816-5

«Путь Лилит — Осоль» — это путешествие из семи частей. Каждая часть — самостоятельная книга, но вместе они складываются в одну глубокую историю: как женщина теряет себя в чужих ролях, страхах, иллюзиях — и находит дорогу к себе.Это открытая дверь в собственное подсознание.В книгу вошли ранее опубликованные книги:«Часть 1. ЛИЛИТ: Ключи из сундука души»«Часть 2. ЛИЛИТ: Коды души»«Часть 3. ЛИЛИТ: Ткани бытия»А также:«Часть 4. ЛИЛИТ: Голос рода»«Часть 5. ОСОЛЬ: Последний код Лилит»«Часть 6. ОСОЛЬ: Нежность»«Часть 7. ОСОЛЬ: Предательство»Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-696816-5

© Дубовицкая Ю.
© Издательские решения

Содержание

АННОТАЦИЯ К СЕМИКНИЖИЮ «ЛИЛИТ – ОСОЛЬ: Путь одной души» 7
«ЛИЛИТ: Ключи из сундука души» часть 1 9
Иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться. Я потерялась давно – в детстве, где пахло порохом и страхом; в юности, где я прятала свое тело под одеждой; в любви, где меня не выбирали. Я носила это в себе годами, не зная, как назвать. Пока однажды не начала писать письма. Тем, кто не ответит. Себе – той, маленькой. Своему телу, которое всё помнит. Эти письма разойдутся по всей книге, как нити. А здесь – начало пути. Красный цвет. Цвет жизни, крови, первой ярости. Цвет, с которого всё начинается 9
О КНИГЕ 10
Глава 1. Зов сердца 11
Глава 2. Пробуждение в саду 14
Глава 3. Встреча с Ведой 17
Глава 4 «Зеркало по имени Леон» 20
Глава 5. Сад и алая роза 21
Глава 6. Исповедь на тропе 24
Глава 7. Прошлое, как груз 27
Глава 8. Золотое платье 30
Глава 9 Замок Эго 32
Глава 10. Падение и пробуждение 34
Глава 11. «Зеркальный зал» 35
Глава 12. Дверь в детство 37
Глава 13. Лабиринт масок 40
Глава 14. Прорыв к себе 43
Глава 15 Побег из замка ЭГО 44
Глава 16. Болото Памяти 46
Глава 17. Ключ различия (Испытание Спасителем) 48
Глава 18. Хор теней 50
Глава 19. Я – Ведьма 53
Глава 20. «Разговор с телом» 56
Глава 21. Материнское благословение 57
Глава 22. Возвращение домой 59
Глава 23. Больница Ночь 61
Глава24. Пробуждение 63
Глава 25. новая встреча с телом 65
Глава 26. Финальная точка 68
Глава 27. Коробка с истоками 71
Глава 28. Сундук, который теперь всегда открыт 73
СЛОВА ОТ АВТОРА 74
ЛИЛИТ: КОДЫ ДУШИ часть 2 75
Я открыла сундук. Я вспомнила всё: сады и замки, встречи с проводниками, битвы с тенями. Мне казалось – я исцелилась. Но жизнь за дверями сундука оказалась сложнее. Она зашептала 75

знаками, замелькала символами. Каждая встреча, каждая случайность несли в себе код. Я поняла: мало вспомнить себя. Нужно научиться читать мир. Расшифровывать то, что он говорит. Это был следующий уровень – уровень кодов.
Пролог 76
Глава 1: СЦЕНАРИЙ 77
Глава2. 30 декабря (Знаки на пороге) 78
Глава 3. Ева из леса (Расшифровка знаков) 83
Глава4. Четыре лучика (альбомная глава) 88
Глава 5. Любовь, которая остаётся 92
Глава 6. Битва за два часа 95
Глава 7. Я есть! 97
Глава 8. Дом, который видит 99
Глава 9. Сталинка 102
Глава 10. Сон о шакалах, или Прощание, которое пришло во сне 107
Глава 11. «КОДЫ» 110
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Лилит-Осоль: Ключи одной души
Полное собрание из 7 частей

Юлия Дубовицкая

Книга о душе и силе внутри нас.
Не читай, а проживай!
НЕ думай, а чувству.

© Юлия Дубовицкая, 2026

ISBN 978-5-0069-6816-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ К СЕМИКНИЖИЮ «ЛИЛИТ – ОСОЛЬ: Путь одной души»

«Самые важные ответы спрятаны не во внешнем мире, а в сундуке собственной памяти».

ОТ АВТОРА: КАК ЭТА КНИГА РОДИЛАСЬ

Меня зовут Юлия. Я выросла в глухой деревне, где небо было выше, а жизнь – проще. Закончила институт по специальности инженер-технолог, но дорога привела меня к психологии. За плечами – диплом психолога, образование цифрового психолога, две ступени мастера науки Сюцай. Я веду игропрактики по методу Сюцай и «Ты есть стиль» (метод стилиста-психолога Лейсан Усмановой). Я – мама двух подростков, прошедшая развод и длительные кармические отношения, которые изменили всю мою жизнь.

Я столкнулась с потерей здоровья, получила ошибочный диагноз – и в тот момент впервые задала себе честный вопрос: «Зачем я жила? Что я обязана оставить миру, пока я живу?» Ответ пришёл сразу и безоговорочно: написать книгу.

Так родилось семикнижие «Путь Лилит – Осоль». Оно не было выдумано. Оно приходило потоком: стихи, проза, инсайты, слёзы, прозрения – всё, что требовало выхода. Я писала простым языком, от первого лица, не приукрашивая, не пряча боли, не делая из жизни «красивую историю». Это исповедь, дневник, карта пути.

О ЧЁМ ЭТА КНИГА

«Путь Лилит – Осоль» – это путешествие из семи частей. Каждая часть – самостоятельная книга, которую можно читать отдельно, но вместе они складываются в одну глубокую историю: как женщина теряет себя в чужих ролях, страхах, иллюзиях – и находит дорогу домой. К себе.

Это не роман с классическим хэппи-эндом. Это открытая дверь в собственное подсознание. Здесь нет готовых ответов. Есть только путь, по которому можно пойти вместе с героиней – или от которого оттолкнуться, чтобы начать свой.

СТРУКТУРА СЕМИКНИЖИЯ

Часть 1. ЛИЛИТ: Ключи из сундука души

Вход в лабиринт. Встреча с собой через сады, замки, болота и проводников. Героиня учится слышать тело, различать голоса внутри и открывает сундук, где хранятся ключи к её собственной жизни.

Часть 2. ЛИЛИТ: Коды души

Мир начинает говорить знаками. Лилит учится расшифровывать коды, которые ведут её глубже – к тоске, пустоте, ярости, нежности. И к пониманию: её боль не случайна, она – часть узора.

Часть 3. ЛИЛИТ: Ткани бытия

Заземление. Героиня учится ткать новую жизнь из старых нитей: из быта, из усталости, из детей, из двух часов тишины, которые она вырывает у мира. Появляются Лесничий и Мастер – архетипы памяти и действия.

Часть 4. ЛИЛИТ: Голос рода

Расширение. Лилит слышит голоса предков. Война, лагерь, молчание, «дочь колдуна», нерождённые дети – всё это становится её голосом. Она учится отделять свою боль от родовой и брать силу из корней.

Часть 5. ОСОЛЬ: Последний код Лилит

Встреча с собой в другом воплощении. Осоль смотрит на Лилит и видит свой путь. Здесь смыкается круг: та, кто искала, встречает ту, кто нашла. Кармический разворот, принятие, тишина.

Часть 6. ОСОЛЬ: Нежность

Возвращение в тело. Нежность как безусловное состояние. Героиня учится быть женственной не для кого-то, а для себя. Принимает своё тело, свою усталость, свою силу.

Часть 7. ОСОЛЬ: Предательство

Выход за пределы себя. Группа, клиенты, чужие истории. Осоль держит пространство для чужой боли, не растворяясь в ней. Здесь раскрывается главная правда: предательство начинается с себя – и заканчивается, когда ты готов вернуться.

В отдельный раздел вынесены техники и практики – инструменты, которые родились из этого пути и могут стать опорой для читателя.

ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА

Для тех, кто:

· устал от «успешного успеха» и хочет честности
· прошёл через потерю себя и ищет обратную дорогу
· чувствует, что его боль глубже, чем кажется
· хочет не советов, а зеркала
· готов встретиться с собой – без прикрас, но с надеждой

ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ

Не готовые ответы. Не лёгкое «всё будет хорошо». А ключи. Ключи, которые вы можете взять с собой и применить в своей жизни. Ключи, которые однажды откроют вашу собственную дверь.

Каждая часть может быть прочитана отдельно и стать полноценной историей для изучения. Но вместе они образуют одно путешествие – туда, где боль становится силой, а одиночество – пространством для встречи с собой.

Эта книга – не инструкция. Это приглашение. Войти. Услышать. Вернуться.

Юлия Дубовицкая
Автор, психолог, игропрактик, создатель игры «Ключи от сундука души»

«ЛИЛИТ: Ключи из сундука души» часть 1

Иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться. Я потерялась давно – в детстве, где пахло порохом и страхом; в юности, где я прятала свое тело под одеждой; в любви, где меня не выбирали. Я носила это в себе годами, не зная, как назвать. Пока однажды не начала писать письма. Тем, кто не ответит. Себе – той, маленькой. Своему телу, которое всё помнит. Эти письма разойдутся по всей книге, как нити. А здесь – начало пути. Красный цвет. Цвет жизни, крови, первой ярости. Цвет, с которого всё начинается

О КНИГЕ

«Книга Лилит, или Ключи из сундука» – это не просто история. Это путешествие вглубь себя, записанное стихами и снами, болью и прозрением. Это история о женщине, которая, потеряв себя в лабиринтах прошлого, страха и ложных ролей, находит путь к целостности.

Её дорога лежит через решимость сделать шаг, через волшебный Сад мудрой Веды, ледяные воды очищения, соблазнительный и пустой Замок Эго и, наконец, к солнечному Лесу, где хранится безусловная любовь.

Каждая глава – это дверь. Каждое стихотворение – ключ.

Через встречи с призраками детства, масками общества и собственной тенью, Лилит собирает разбросанные осколки своей души, чтобы сложить из них новую, сияющую реальность.

Эта книга – притча о внутреннем исцелении, написанная кровью, чернилами и светом.

Она для тех, кто ищет выход из собственных замков, для тех, кто слышал шёпот роз, но боялся к ним прикоснуться, и для тех, кто верит, что самые важные ответы спрятаны не во внешнем мире, а в сундуке собственной памяти. Откройте её. Возможно, один из ключей подойдёт и к вашей двери.

Глава 1. Зов сердца

«То, что ты ищешь, ищет тебя».
(Джалаладдин Руми)

Вот оно утро, звонит будильник. Ежедневная спешка: на бегу засовывая бутерброд по пути в школу и на работу. Это утро было совершенно обычным. Люк просил денег на телефон, Лучина волновалась из-за контрольной.

А Лилит пыталась всё выстроить по системе и не рассыпаться самой.

Отведя детей в школу и посетив спортзал, она быстро направилась в офис. Очередное собрание и еженедельные отчёты. В голове шло по кругу: из пустого в порожнее. День выдался сложный, всё менялось, задачи сыпались одна за другой.

Дети звонили – то в поисках ключей, то чтобы поделиться настроением из-за полученной тройки. Лилит, выдыхая, решала вопросы за вопросами.

Стоя в туалете и глядя себе в глаза, она вспомнила последний гипертонический криз и долгое восстановление после разрыва отношений.

Она почти не понимала, где же в этой картине мира она сама!

В зеркале смотрела усталая женщина с потухшими глазами и потерянной верой в своё бытие. А в глубине этих потухших глаз жила девочка. Та самая, что однажды ночью проснулась от громкого хлопка и дикого крика мамы. Знакомый запах пороха – отец был охотник – смешался в воздухе с едкой вонью перегара и свежего алкоголя.

В стене – дырка. Маленькая, аккуратная, как точка в конце чужой жизни. Она тогда не поняла, но всё её существо кричало: взять их боль на себя! Вот бы волшебную палочку – она бы спасла их счастье, ведь любила их обоих! Но волшебной палочки не было.

Была тишина, которую она училась читать, как книгу страха: по срывающемуся голосу мамы, по всхлипу брата, по тяжёлому, спёртому запаху отчаяния – какой сегодня будет день?

– Я – страж этого места. Я сама – эта земля и истинное знание. Но когда-то я была путницей, как ты. Я тоже шла по следу собственных историй, искала ключи в сундуке своей памяти. Этот сад, этот дом – они вырастают тогда, когда душа, намучившись в миру, создаёт внутри себя точку покоя, свой мир с истинными знаниями.

Училась быть тише воды, щитом для матери, не раздражать отца. Ценить редкие, хрупкие минуты, когда он трезв и смеётся.

А потом был другой ужас – сине-фиолетовый, пахнущий формалином и тлением. Прощание с усопшими прямо в доме. Обязательный, леденящий душу поцелуй в холодный, восковой лоб умерших бабушек. Мертвецы потом вставали из гробов в её снах, и она привязывала себя шарфом к батарее, боясь уйти лунатиком на кладбище.

На её шёпот «мне страшно» взрослые отмахивались: «Бояться надо живых. Всё хорошо, не накручивай». Слово «не накручивай» стало крюком в сердце на всю жизнь. От него кровь стыла. Вот она и научилась. Бояться живых. И молчать. А свою боль хоронить так глубоко, что и сама перестала до неё докопаться. Пока не посмотрела в это офисное зеркало и не увидела – пустоту. Место, где когда-то бился испуганный, но яростно живой комочек.

После таких воспоминаний Лилит вышла на улицу подышать воздухом, и в её голове всплыли картины детства: как она с мамой ходила в библиотеку, как строила себе дом на самом высоком дубе, свою лошадь, на которой она «проездила» всё детство. Да, лошадь – это было отдельное удовольствие. Она обожала ездить галопом, чувствуя ветер в волосах и скорость – большую для двенадцатилетней девочки.

Лилит была из маленькой деревни и в детстве мечтала о большой балетной школе, сцене и софитах. А теперь она – в большом мегаполисе, со стабильной работой, детьми, опытом, но совсем потерянными смыслами! Вдыхая воздух, почувствовав запах сигарет. Лилит долго курила, и сейчас сигарет не было, но все ее тело вспоминало.

Курю я пятую подряд,
зачем курю… сама не знаю
И дети спят давно сопят, а я опять летаю!
Летаю в мыслях тишины,
ищу ответы на вопросы.
Поддержки скудной от толпы,
не находящей ее вовсе!
А где-то там ведь есть ответ…
Ко мне… и он… придет однажды.
И где там зажжется свет…
и исцелит, а может дважды.
Но вдруг сомненье, пустота,
а может все же и напрасно.

Курю я пятую подряд, зачем курю… не знаю
И дети спят давно сопят, а я опять летаю!
И там опять горят котлы,
в кипящей лаве без сарказма.
А где там горят костры – из боли,
пепла и соблазна!
НО я на это не согласна.
При жизни мы живем в аду,
у всех он разный, но единый
И только если ты идешь во тьму.
Пройти ее, молю, во имя….

Лилит резко направила вдаль от офиса. И слышала голоса. Голос шептал «Алтай».

Ей казалось, что это ей просто показалось. Но в груди всё затрепетало, руки и ноги начали теплеть. А для неё это был личный компас, указывающий верный путь. Немедленно она сверила наличие своих средств и не раздумывая купила билеты. Забронировав маленький домик, выдыхая полной грудью, прокричала: Вот он – долгожданный отпуск для себя!

Глава 2. Пробуждение в саду

«В тишине и уединении душа находит путь в ясном свете». (Мейстер Экхарт)

Сегодня было безмолвно и пахло сиренью.

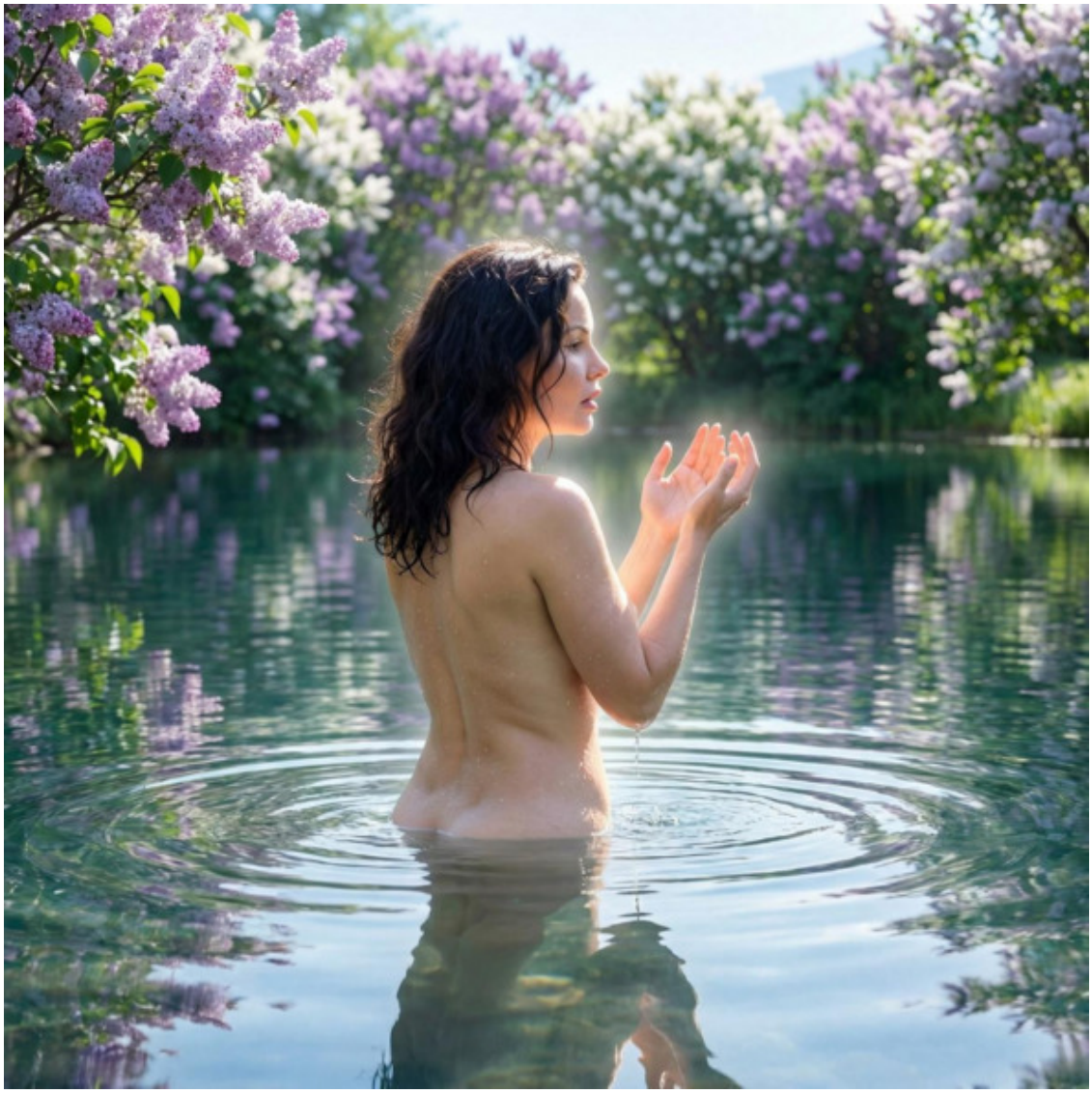
Как никогда, ощущался запах и вкус воздуха, а ветер, тёплый и сильный, пронзал до костей. Но этот холод Лилит не пугал. Она гуляла по утреннему саду и чувствовала свободу. Эта свобода переполнила каждую клеточку её тела и души: расправленные плечи, поднятый подбородок, спокойная и ровная походка – всё говорило о её стойкости и уверенности.

То, что эта жизнь и этот день сегодня – для неё. У неё не было бури эмоций, но впервые она была настолько счастлива и радостна от своей свободы, что это состояние казалось ей даже нереальным. Лилит шла шаг за шагом, вдыхала воздух, смотрела на каждый листочек ароматной сирени и видела в них целый мир!

Солнце, воздух, запахи – она чувствовала всем своим существом и всей кожей! Она была жива. Жива от кончиков волос до кончиков

пальцев.

Прогулка началась от дома и уходила далеко-далеко в сад сирени. Лилит не знала, куда она идёт, но её совершенно не волновали ни путь, ни место окончания этого пути.

Она гуляла и просто была. Ранее это казалось таким простым – просто быть. Но только сегодня она поняла, что это значит по-настоящему. Просто быть – чувствовать себя и своё тело, чувствовать тепло в каждой своей клеточке, отделять внешний мир от своего собственного, при этом быть в нём. Фраза «покорить, чтобы покорить» была прочувствована ей досконально. Она не думала, насколько она красива или счастлива, насколько успешна и востребована.

Её не занимали суета и проблемы. Она просто была в самом полном смысле этого слова: «Я есть». Впервые она почувствовала, что она уникальна, идеальна и самое прекрасное творение бога. Бог был в ней, в каждом шаге и в каждом вдохе. В этот момент она была неописуемо красива, нежна как мягкое облачко и стройна как горная лань, задумчива как самая тёмная ночь и светла как самый яркий день. Её тело источало счастье, трепет, здоровье и дикую энергию жизни. Это был симбиоз ангела тьмы и ангела света. Лилит долго гуляла, пока не наткнулась на холодное озеро.

Озеро очаровало её с первых секунд. Она давно не видела такой чистой воды, которая просто манила погрузиться в неё и смыть все старые представления о своей прежней жизни.

Лилит стремительно побежала к озеру, радуясь, как ребёнок, распустив волосы и сняв своё свободное длинное белое платье. Потянув руки вверх, замерла на мгновение под лучами света, которые отражались на её обнажённом, молодом и зрелом теле, и нырнула в воду с разбега.

И это был восторг. Лилит нырнула, и мир сжался до тишины, холода и пузырьков воздуха. И в этой подводной тишине, будто на самой грани между жизнью и смертью, в ней зазвучали слова – её же собственный, давний стих, ставший мудростью: ***«Мне с тобою было страшно…***

страшно было и одной…»

Она вспомнила тот ужас своих душевных переживаний. И поняла, что сейчас ей не было страшно. Ни с кем. Ни одной. Вода обнимала её, как принимающая стихия.

«…найти себя возможно,

только одному».

Истина, которую она тогда просто написала на листе бумаги, теперь подтверждалась каждой клеткой её тела, свободного в воде. Она была одна. И в этом одиночестве – была целой.

«…ничья улыбка

света не заполнит пустоту».

Пустота, которую она когда-то пыталась заткнуть чужим вниманием, больше не существовала. Её заполняла эта самая вода – её собственный, выбранный опыт.

…боялась я себя».

Вода обняла её, не просто обмывая тело, но и смывая липкий страх детства, страх будущего и настоящего, который приставал к коже. Смывая ощущение, что она все должна контролировать и за всех отвечать. Здесь, в ледяной тишине можно было просто быть – мокрой, дрожащей, но собой.

И тут, в толще озера, Лилит улыбнулась. Вся мука так же была в этом. Она боялась не только страхов и неудач. Но и свою силу, независимость и жажду жизни, что теперь вырывались наружу.

Выйдя на берег, она долго лежала на солнце и грела своё очищенное тело. Этот момент казался ей блаженным и поистине неземным. Она принимала и любила своё тело, гладила и обнимала его, как встретила самого дорогого и любимого человека. Под солнечными лучами каждый шрам и каждая родинка на её теле казались ей невероятным рисунком с удивительной историей. Она вспоминала историю за историей и благодарила каждую клеточку своего тела за такой уникальный дорожный путь, который оно ей показало.

Лилит собрала волосы в тугой пучок и пошла дальше. Про платье она даже не вспомнила. Ей казалось естественной и прекрасной её нагота. Она шла всё дальше от сада и озера и забрела в красивый сосновый лес.

Глава 3. Встреча с Ведой

«Учитель появляется, когда ученик готов».
(Буддийская мудрость)

В лесу она увидела маленький домик. Он был как игрушечный, но очень милый. Из дома валил дым. Лилит, не раздумывая, поднялась по деревянной лестнице и как исследователь зашла в дом. В доме была большая печь, а в печи – горшочек. На минуту она удивилась – как в сказке, и даже подумала, что попала в какое-то другое время. Из печи очень вкусно пахло. Что это, несомненно, пробуждало аппетит.

Увидев мягкий плед, она накинула его на себя и собралась открыть горшочек, как в дверь вошла женщина пожилого возраста, но прекрасного внешнего вида и с безумно доброй улыбкой. Женщина была странно одета: в зелёное платье, на котором было много расшитых цветов, и с живыми цветами в её длинных седых волосах.

Веда – так звали женщину – обратилась к Лилит по имени и попросила аккуратнее, так как горшочек горячий. – Сейчас будем обедать, я давно тебя жду, – улыбнувшись, достала горшочек и наложила ароматную кашу в маленькие миски.

Лилит была немного ошарашена. Она даже ущипнула себя, думая, не спит ли она. Веда продолжала: – Кушай, дитя. Тебе надо набираться сил, а после я тебе всё расскажу.

Лилит, укутанная в плед, чувствовала, как тепло печи и сытость растворяют последние остатки напряжения. Веда, не спеша, вытерла руки о холщовый фартук и подошла к старой, потрескавшейся от времени тумбе.

« – Есть одна вещь, дитя, которая хранилась здесь для тебя», – сказала она, и её голос зазвучал иначе – не как у хозяйки дома, а как у жрицы у алтаря.

Она достала не книгу, а один-единственный пожелтевший листок, сложенный вчетверо. Бумага была тонкой, с неровными краями, будто вырвана из блокнота. – Это пришло ко мне по ветру, – тихо произнесла Веда, протягивая листок Лилит. – Много сезонов назад. Я знала, что принесёт его та, кому оно принадлежит. Прочти.

Лилит взяла листок. Почерк был её собственным. Узнаваемые, чуть спешащие буквы, которые она не видела годами. Сердце ёкнуло. Она начала читать вслух, и голос её сначала дрогнул, а затем набрал силу, заполняя тёплое пространство избы:

«Спускаясь туда, где страх и порок,
Случайно увидел той прелести бок.
Сидела она, совсем здесь одна.
Ждала не тебя, не меня, не себя…»

Она читала, и каждая строчка отзывалась в ней не воспоминанием, а узнаванием. Это был не отрывок из прошлого. Это был шифр её нынешнего состояния.

«…ОТ страха себя, я почти потерял.
Но всё изменила прелестница та…
Теперь без нее, я совсем никуда»

На этих словах она подняла глаза на Веду. Та смотрела на неё с бездонным пониманием.

– Это… это я написала. Очень давно, – прошептала Лилит. – Ты написала карту, – поправила её Веда. – Ты нарисовала портрет той, кого должна была найти. Прелестницу. Ту, что сидит одна, не видя мрака вокруг. Ты зов свой отправила в мир. И зов этот, как бумеранг, привёл тебя сюда. К озеру. К этому дому. К себе самой.

Лилит смотрела на строки**:**

«Спущусь я опять в ту серую мглу, но сердце свое, я заберу».

« – Я спустилась», – сказала она уже твёрже. – И я забрала. Я забрала его у страха. У той иллюзии, что оно принадлежит другому. Веда кивнула, и в её глазах вспыхнул свет, похожий на отблеск пламени в печи. – Вот видишь. Ты не заблудилась. Ты шла по следам собственных слов. Ты и была той прелестницей, которую ждала. И тем, кто спускался в страх.

Целое ищет себя через раздвоение, а потом снова становится целым. Это и есть Путь. По лицу Лилит покатились слёзы. Она обняла Веду и нежно прошептала:

– Я тоже ждала эту встречу всю свою жизнь.

Выйдя вечером к чаю, Лилит спросила:

– Веда, и всё же, кто ты? Откуда ты знала, что я приду? Веда улыбнулась, и её глаза, казалось, увидели другую эпоху.

– Я – страж этого места. Я сама – эта земля и истинное знание. Но когда-то я была путницей, как ты. Я тоже шла по следу собственных историй, искала ключи в сундуке своей памяти. Этот сад, этот дом – они вырастают тогда, когда душа, намучившись в миру, создаёт внутри себя точку покоя, свой мир с истинными знаниями.

Поняв свою душу и получив знания, моя миссия – быть наставником для других, кто сбился с пути. Твои стихи… они прилетали сюда на крыльях ветра, на лепестках опавших роз. Я подбирала их и хранила, зная, что однажды придёт их хозяйка, чтобы собрать их воедино.

Мы все связаны, Лилит. Мои розы когда-то полила моя кровь. Моя боль когда-то стала моим учителем. А теперь твоя боль привела тебя ко мне, и мой опыт может стать твоим проводником. Мы – звенья одной цепи. Ты идёшь по моим следам, а кто-то потом пойдёт по твоим.

Глава 4 «Зеркало по имени Леон»

«В каждом мужчине скрыта вечная женственность, в каждой женщине – вечная мужественность».
(Карл Густав Юнг, об архетипах Анимы и Анимуса)

– А был ли кто-то… кто-то, в ком ты будто видела саму себя, но не узнавала? – спросила Веда, подливая чай в кружку Лилит.

Лилит вздрогнула. Перед её внутренним взором встал образ – загадочные, но глубокие глаза, пухлые губы, очаровательная и открытая улыбка, глубина и харизма, лёгкий и остроумный юмор, руки, умеющие строить дом и машину чинить.

– Леон… – выдохнула она.

– Он был моим полным отражением. Отражением, которое вдруг перекосилось. Он взял самое драгоценное в ней – эту дикую чувствительность, умение слышать мир кожей и выворачивать боль в стихах – и называл это слабостью.

«„Ты слишком чувствительная“, – говорил он, и в его глазах читалось раздражение. – Я не понимаю твоих эмоций. Ты явно играешь… выключи актрису. Можно быть спокойнее? Это невыносимо».

Из его уст это звучало как приговор, удар ниже пояса. В каждом его слове сквозило обесценивание: «Ты не так ешь, не та одежда, странные у тебя традиции». Но в редкие моменты близости он становился самым родным и тёплым человеком на свете, и я верила, говорила Лилит, что он – моя родная душа. И ради этой веры я начала гасить в себе собственный свет. Свою самость. Пока однажды он не спросил с недоумением: «А где же ты?»

Я гасила себя, потому что боялась. Боялась, что он, как и все живые, уйдёт. И останется только привычный, леденящий холод одиночества – тот самый, что остался от поцелуя в мёртвый лоб. – —

НО при этом, знаешь Веда.. кажется, всегда был в моей жизни. Он был таким же одиноким, но притворяющимся, что ему хорошо. Мы узнали друг друга мгновенно, как два одиноких островка в одном море. Это была не страсть, нет. Это была лавина, в которой была отчаянная надежда, что вдвоём мы составим одно целое. Но мы, как два полуразбитых зеркала, смотрели друг в друга и видели бесконечный коридор собственных ран, жаля друг друга в самую цель. Он не мог дышать со мной, а я не могла без него. Но мне пришлось уйти, чтобы начать жить дальше по-настоящему.

Я учила его близости, а он меня – целостности. Каждый проиграл в этой войне теней, но каждый вынес свой урок.

Веда посмотрела на Лилит, положила ей руку на плечо и сказала: Ты уже понимаешь, что он важным элементом твоей жизни, чтобы ты пришла сюда. А теперь давай ложиться спать.

Уже поздно.

Глава 5. Сад и алая роза

«Из шипов мы собираем розы».
(Восточная поговорка)

Лилит проснулась от яркого света, пения птиц и неописуемого запаха роз. Она никогда не чувствовала запах так – слышала его чётко и вкусно! Встав с постели, она вышла на веранду, где был накрыт стол с ароматным чаем и пышными сырниками. На веранде не было никого, кроме птиц, которые сидели как главные хранители веранды, летали бабочки, несколько пушистых кошек лежали в углу, а рядом на поляне бегали зайцы и кролики.

Лилит снова ощутила себя в сказке, где природа – не место обитания и не живое дополнение, а её семья и дом.

Лилит, позавтракав в компании животных, не сводила глаз с розовых кустов. Кусты роз были ярко-розового цвета, с неё ростом. Эти кусты казались бесконечными. Лилит побежала к кустам всё ближе и ближе, вдыхая их аромат! Она гуляла, танцевала, вдыхала и танцевала, проходя по аллее с прекрасными розами! Она снова ощутила себя частью всего живого, частью бога и единой с этими прекрасными розами!

Разговаривая с ними и говоря им комплименты, улыбаясь, вдыхая аромат и разглядывая каждый бутон, Лилит уколола руку. Кровь полилась из руки в землю. Лилит вздрогнула: по её руке не просто текла кровь, но всё её тело билось от острой боли. Кровь попала на землю, и на её глазах начала расти новая роза, ярко-алого цвета. Лилит уже не удивлялась, смиренно наблюдая весь процесс роста цветка!

Пока роза росла, в голове вспомнился её собственный слог, написанный много лет назад!

А хочешь? Тебе… Тебе я что-то покажу…
Я покажу, как я умею любить и жадно целоваться,
Как я умею брать, при этом напрочь отдаваться.
А хочешь, буду скромной, покорной,
А может, взбалмошной и строгой!
Могу ранимой, слабой быть,
Могу быть стервой немедля и словно ветер, уходить!
Могу быть очень я колючей,
При этом больно ранить и гнобить…
Ведь хочешь? Меня ты просто хочешь!
Так что тебе мне показать?
Какая злобная бываю,
Как от любви умею выть,
Или как трепет наполняет,
И тело начинает ныть!
А хочешь? Буду жалкой потаскушкой,
И разрешу себе грешить…
И, ублажая твоё тело,
Ни капли больше не просить!
А хочешь, буду просто рядом
И, несмотря на все, любить,
И, словно ангел, сошедший с неба,
Свою любовь, тепло дарить!
Детей растить и рядом быть

Во всех началах и поддержать
Во всём, в чём даже не мечталось!
А хочешь? Тебе… Тебе я что-то покажу…
Где нам найти так много света,
А не упасть во мрак и тьму!

Роза выросла и моментально распустила свои бутоны. Веда, положив руку на плечо, тихо сказала: «Эта роза – не просто твоя сила, дитя. Это твоя невыплаканная ярость. Ярость той девочки, которая проживала в одиночестве свои самые кошмарные сны. Ярость женщины, которой говорили «не накручивай» и «ты больная». Ярость отвергнутой женщины, которую не выбирали.

Разочарование от того что опять не получилось. Стыд за то, что ты так отличается от других своей частностью и открытостью, а главное глубиной. Всем этим эмоциям ты позволила выйти, и они стали шипами. А сама ты – стала цветком». Вспомни, на твоем же теле есть красная роза, и она не случайна.

Лилит растерянно посмотрела на Веду и спросила дрожащим голосом:

– Ну, я не поняла?! Как же, так и почему здесь и сейчас этот отрывок появился в моей памяти!! И роза.. да у меня действительно она есть..

Веда, глядя на алую розу, а затем в глаза Лилит, сказала спокойно и мудро:

– Этот отрывок твоего стихотворения появился, потому что ты только что прикоснулась к своим собственным граням. Ты не просто полила землю кровью. Ты полила её правдой о себе. Те розы, что были здесь (указывает на розовые кусты) – это гармония, детство, чистота восприятия. А эта (касается алого цветка) – твоя сила. Твоя сложность. Твоя способность любить до саморазрушения и возрождаться из пепла. Ты написала это много лет назад, не зная, что описываешь не только любовь к мужчине, а свои собственные возможности. Ты – и скромная, и колючая, и нежная, и способная ранить.

Вспомнить это – значит принять в себя всю свою мощь, без страха и стыда. Ты здесь, чтобы научиться управлять этим садом, где растут и нежные розы с острыми шипами. Лилит, слушая, обняла красную розу, уже не боясь уколоться:

– Значит… это всё было во мне? И эта… жадность, и эта боль, и это желание дарить свет – всё это мои истинные части? Но почему оно вспомнилось именно сейчас?

Веда: – Потому что ты готова.

Сначала ты вспомнила запах (чувство), потом вкус (ощущение жизни), теперь – голос своей собственной души. Это следующий шаг. Чтобы стать целой, нужно собрать все осколки себя. Это – один из самых важных.

Веда и Лилит возвращались к дому, так как солнце уже садилось, а Лилит даже не заметила, как прошёл весь день.

Глава 6. Исповедь на тропе

«Пока ты не сделаешь бессознательное сознательным, оно будет управлять твоей жизнью, и ты назовёшь это судьбой». (Карл Густав Юнг)

По тропе домой Лилит очень хотелось рассказать буквально фрагменты своей жизни, в которых она подстраивалась под мужчину и пыталась всеми правдами и неправдами подстраиваться под него, как злилась, расстраивалась и просто разрушалась, что ничто не приносило никакого результата! Лилит рассказывала, как проходили её годы, где она боролась за любовь! И как не понимала: почему, зачем и, главное, для чего! Лилит, глядя на убегающую тропинку: – Я… я однажды целый месяц притворялась, что обожаю рыбалку.

Сидела на холодном берегу, молчала, боялась спугнуть его рыбу… и его настроение. А внутри кипела от злости на эту воду, на эти удочки, на себя. А потом называл мои стихи «женскими бзиками». И я перестала их писать. На годы, Веда. Просто спрятала тетрадь в самый дальний ящик, будто это было что-то постыдное. Я боролась. Но это была странная борьба. Не за него, а за призрак. Я боролась много лет. Ломала себя, искала подход, примеряла личины. Была тихой тенью, чтобы не спугнуть. Распущенной – чтобы удержать. Не просила, не требовала. Терпела и ждала. Однажды мы должны были планировать свадьбу, но он… исчез. Просто перестал брать трубку. Месяц – мёртвая тишина. А потом появился как ни в чём не бывало: «Надо было побыть одному». И я принимала. Потому что научилась принимать всё. Каждый праздник, который я ждала, заканчивался его молчаливым уходом. Фраза «мне надо побыть одному» стала негласной тенью нашего общения. А я стучалась и стучалась.

Все искала правильную форму взаимодействия, я все думала, что я недостойна. Я боролась с призраком своего старого страха – что надо подстраиваться, иначе тебе оставят. При этом мне казалось, что я боролось за ту версию нас, которая могла бы сложиться, если бы я стала… идеальной.

Но идеальной для кого? Лилит замолчала. Губы дрожали, а в груди поднимался давно знакомый ком – из обид, разочарований и усталости. Но на этот раз он просился наружу не криком, а словами – её же собственными, написанными когда-то в такую же ночь отчаяния. Она закрыла глаза, и стих полился сам, став самой честной частью её исповеди:

Больней всего нас бьют – Осколки
иллюзий наших… не о чём!
Где мы давали людям свет и веру
на счастье, и прекрасный дом внутри.
Но там тонули мы без пользы, без благодарности отца.
Не получивши ни черта.
Мы много раз пытались
Наладить свет, где всё темно.
Мы много раз старались

Согреть, где замерзло давно!
И дать дракону сердце зайца,
А зайцу – бычий нрав привить!
Но сердце глупо грохотало….
И шло всё дальше, всё быстрее.
Кричало громко: «справишься – поверь!»
Оно ждало. Оно мечтало
И верило в любовь творца.
Искало силы, исправляло.
И согревало, где могла,
И человеческие страсти спасала как могла…
Своей же силой бытия!
Но не всегда там есть ответ.
Он часто просто заморожен.
Но ты увидишь свет, поверь,
В другом моменте, в бездорожье.
Ответ, конечно же, придёт!
Когда его совсем не ждёшь.
Когда все силы пошатнутся,
И вера превратится в прах.
Но как закроешь эти двери…
И попрощаешься с игрой…
Приняв реальную правдивость.
В которой не было тебя – И это будет тем началом
Того родного дома – здесь
Где ты научишься сначала
Любить себя, а не жалеть.

Последняя строка повисла в воздухе, чистая и ясная. Лилит открыла глаза, полные слёз, но уже с лёгкостью. Как будто этот стих вынес из неё ту самую застарелую горечь, о которой она только что пыталась рассказать. Веда обняла Лилит и спокойно проговорила: – Ты носила столько масок и ролей, Лилит. Скромницы, бунтарки, спасительницы.

Каждую из них ты примеряла, как платье, спрашивая людей: «Такой? Или, может, вот такой?» Ты искала себя в отражении их глаз. И в этом не было ошибки. Это был твой поиск. Вспомни красную розу. Её шипы – это твоя злость и боль, которую ты подавляла. Её бархатные лепестки – твоя нежность, которую тратила не на себя. А её ярый цвет – твоя нерастраченная сила, твоя страсть, которая искала выхода не в творении, а в разрушении себя ради другого. А люди… Да, они были актёрами.

Но сценарий-то писала ты сама. Ты приглашала в свою жизнь того, кто поможет тебе отрепетировать роль «жертвы», чтобы в итоге сыграть «королеву». Того, кто заставит забыть о своём голосе, чтобы потом услышать его в оглушительной тишине этого сада. Без этих уроков ты не почувствовала бы так остро, как пахнет свобода. И не научилась бы различать любовь-обладание от любви-дарения. Лилит, вытирая слёзы: – Значит… я не была глупой жертвой? Я была… ученицей? Да, жёсткой и болезненной школы. Но… если все они были помощниками, то выходит, Жизнь всегда была на моей стороне даже тогда, когда мне казалось, что всё против? Тогда этот гнев… на них, на себя… он больше не нужен? Веда, улыбаясь: – Он выполнил свою работу. Он показывал тебе границы.

Глава 7. Прошлое, как груз

«Знаешь, Веда, я много лет терзала себя словами «а если бы…». По меркам общепринятой реальности у меня был прекрасный брак. Мы строили. Дом, быт, целые миры для двух новых душ. Мы были прекрасными архитекторами и прорабами нашей общей жизни.

Но когда дом был построен… мы изменились. Я – бурная река, которая искала новых берегов, хотела понять свою глубину и течение. А он… он предпочёл бы остаться хранителем того, уже возведённого, сада. Я жаждала свободы – не от него, а для той незнакомой себя, которая просилась наружу. А он стремился к покою – заслуженному, обустроенному. Он был моим спасителем. Вырвал из того дома, где воздух пахло страхом и бедностью. Дал крышу, стабильность, клялся в любви.

Я думала: вот оно, счастье – когда тебя не бьют и не кричат, а еще и подарки дарят. А потом моя старая, непрожитая боль, ночные кошмары с мертвецами, поднимающимися из гробов – всё это стало для него болезнью. Мне надо было все больше близости и разговоров по душам. НО он молчал, отдалялся… и только и говорил: «Ты больная», – с искренним, неподдельным убеждением. – Тебе надо лечиться».

А потом – дети. Реанимация. Сын, которому вынесли приговор: «не выживет». Два месяца между жизнью и смертью. А когда выстояли, подняли на ноги – услышала: «Это ты их так воспитала!» И вечный хор общества: «Зачем развелась? Дура. Было же всё». И этот шёпот… он сливался в один голос с маминым укором, с холодными словами Леона, с высокомерием бывшего мужа и всего общества вокруг. Целый хор, который твердил: твоя боль – не настоящая. Твои чувства – неправильные.

Ты – ошибка. Ты не умеешь жить, а все твои эмоции – блажь, которую пора наконец перерасти.

ТЕ. я регулярно сталкивалась – и сталкиваюсь до сих пор – с сравнением. Со взглядами, которые говорят: «Тогда ты была сильна. Ты строила, рожала, достигала. А сейчас? У тебя все было, ты дура, если сделала такой шаг Кто ты без него. И в эти моменты тихая благодарность внутри меня превращается в чёрное, липкое чувство вины, от которого леденеет кровь, мозг взрывается, а сердце сжимается от боли, обвинений себя, несправедливости и потери себя.

Мне шепчут – и я сама начинаю шептать себе – что я променяла силу на тщетность, значимость – на блуждание в лесу, реальные дела – на разговоры с розами. Что я была кем-то, а стала ничем. И этот шепот бывает так громок, Веда, что я отступаю. Отступаю от себя. Отступаю от этого сада. Отступаю от тебя. Он отдаляет мою душу всё дальше от тишины, в которой только и можно себя услышать, и к сожалению, все больше приближает к самым темным мыслям, что теперь навсегда я должна быть несчастна и быть в клетке собственных проклятий и обвинений.

А я ведь просто хотела быть счастливой». Из глаз Лилит полились слезы, которые сменились рыданием в голос, громче ветра и шума листвы.

Рыдание было как жуткому крику и шло так глубоко из всего существа Лилит, что сравнимо было только с голосом из самого ада.

Веда слушала, не перебивая. Когда Лилит умолкла, повисла тишина, но на этот раз не пугающая, а сосредоточенная, как воздух перед грозой, которая должна всё очистить.

«А теперь скажи мне, дитя мое, – заговорила Веда, и её голос был тёплым и твёрдым, как ствол старого дуба, – разве строитель и садовник – одно и то же? Разве сила, нужная, чтобы поднять балку, равна силе, нужной, чтобы услышать, как распускается почка? Ты сравниваешь несравнимое. Ты пыталась измерить ценность дубовой доски и утренней росы одним аршином.

Тогда ты была Созидательницей Внешнего. Ты возводила стены, которые все могли видеть и трогать. Твоя сила была очевидна, измерима в метрах квадратных, в количестве бессонных ночей, в решённых проблемах. Мир понимает такую силу. Он кланяется ей. Он называет её значимостью. НО ты выбрала себя, а это твое право по праву твоего рождения. Никто и никогда у тебя его не может забрать.

Теперь ты стала Созидательницей Внутреннего. Ты вспахиваешь целину собственной души. Ты сажаешь семена смыслов. Твоя боль не от реакций людей и жизненных проблем, а боль, которая всегда была с тобой. И скала освобождения, через трудности и боли, с которыми ты училась справляться. Все это тебя и вело к СЕБЕ. Твоя сила теперь – это сила терпения. Сила уязвимости. Сила позволить себе быть «ничем» в глазах прежнего мира, чтобы стать Всем для себя самой.

Тот, кто обвиняет тебя, что ты была «сильнее», – просто слеп. Он видит лишь то, что может понять. Он видит дом, но не видит света, который в нём может жить. Дом можно построить за год. Свет в душе – годами, а то и всей жизнью.

Твоя вина – это последняя отмычка в замке твоей старой тюрьмы. Ты почти на свободе, а она шепчет: «Вернись, там хоть было привычно и тебя хвалили». Не верь этому шепоту. Ты не отдалилась от меня. Ты приблизилась к тому порогу внутри себя, который страшно переступить. И этот страх маскируется под логичные мысли: «я была значима, а теперь – нет».

Знаешь, в чём истинная разница? Раньше ты была сильна для других (для семьи, для проекта). Теперь ты учишься быть сильной для Себя. А это самая сложная и самая важная сила на свете. Она не кричит о себе. Она молчит, как корень. Но именно она держит всё дерево, чтобы оно не упало при первом же шторме.

Разреши себе быть «ничем» в тех старых мерках. Только опустошённый кувшин можно наполнить новой водой. Твоё «ничто» – это и есть та самая чистая, готовая к приёму света, пустота. Не беги от неё. Прими её. Поблагодари. Просто теперь ты творишь не из долга, а из любви. И это – величайший признак силы, которую мир когда-нибудь узнает, когда твои внутренние розы распустятся так пышно, что их аромат затмит любой запах былой строительной пыли.»

Так Лилит провела день мудрости у Веды и трансформировала свою боль в свою силу! Ей не терпелось собрать все пазлы её путешествия в доме Веды, познать всю мудрость своего жизненного пути. Но Веда, напоив и накормив Лилит вкусным ужином, прошептала: – Всему своё время! – и удалилась спать.

Глава 8. Золотое платье

«И сказал Змей жене: … вы будете как боги, знающие добро и зло».
(Бытие 3:5 – искушение в Эдеме)

Но Лилит не спалось. Её мозг, желание познать истину здесь и сейчас, побудило её заглянуть в шкаф, комод и поискать новые открытия. Так как она уже чётко понимала, что место рядом с Ведой и её домом – кладезь её памяти и прямых смыслов её жизненного пути!

Заскрипела дверь, но двери не было видно, а свет от полной луны рассеивался в комнате, и было необычно романтично, при этом немного страшно! Скрипела дверка шкафа. Шкаф старый, дубовый, с приятным запахом свежей древесины. Всё Лилит казалось не связанным и не логичным. Она аккуратно подошла к шкафчику и увидела красивое платье! Платье золотого цвета, расшитое золотыми нитками.

Платье было по фигуре, длинное в пол, с широкой юбкой, открытыми плечами и приталенным силуэтом! Гостье несказанно захотелось померить платье. И – вау! – да, оно подошло, оно было чётко по фигуре и давало ощущение королевской стати и величия.

Лилит не терпелось его «выгулять», и глубокая ночь, и полная луна только манили её на очередную прогулку.

Прекрасная молодая женщина вышла из дома и направилась всё дальше от дома. Сначала она шла как королева, потом бежала как игривая лань, хохоча и смеясь, любуясь собой и восторгаясь своим величием!

Платье сильно сжимало ее тело, было несказанно тяжёлым и сильно кусало тело. С каждым шагом Лилит все больше чувствовала его тяжесть.

Она не понимала, почему такое роскошное, красивое даже фантастическое платье наносит дикий дискомфорт. НО уверено продолжала идти, говоря себе мне показалось. Платье как будто ее вело само, несмотря на то что в пути ее королевская осанка начала меняться, платье сжимало и давило. Лилит казалось, что она уже не может сделать шаг в этом платье, при этом все ближе и к ближе подходила к замку.

И вот он! Стоял огромный большой дом, похожий на замок из исторических фильмов. Каменный, жуткий и непреклонный! Резко ее усталость в теле и желание вырваться из этих доспехов сменилось, давно забытыми чувствами

страсти, азарта, ярости, гордыни и чувства превосходства

.Она была настолько хороша рядом с каменным дворцом, что это, несомненно, должен был быть её новый дом!

Глава 9 Замок Эго

«И сказал Змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются ваши глаза…»
(Книга бытия 3:4—5)

Лилит остановилась у массивных дубовых дверей. Холод от камня проникал даже сквозь золотую ткань. Страх сжал горло. «Вернись, – шептал разум. – Послушай Веду».

Она положила ладонь на холодную ручку двери. «Нет, – сказала она себе тихо, но чётко. – Я не бегу от страха. Я иду за ответами. Я заслуживаю их». И толкнула дверь.

Лилит вошла в огромный зал, где стоял огромный стол, массивная мебель, играла классическая музыка, но с нотками холодящего ужаса., на столе – вкуснейший выбор и разнообразие блюд.

От увиденного она была готова кричать: «Это для меня! Наконец-то!! Я это заслужила!»

Она кружилась вокруг себя, подбегая к зеркалам и примеряя украшения, которые висели на зеркалах, как грозди винограда. Подходя к столу и угощаясь чёрной икрой и огромными плодами винограда.

Лилит потеряла счёт времени, она настолько поверила в чудеса, что была уверена, что это теперь новый дом, и именно такой, как она хотела! Совсем не замечая, что украшения обжигали руки и шею. А от лакомств тошнило и чувствовался привкус жженой резины, бензина и нефти. Теперь ее жизнь будет сказкой, убеждала она себя.

Но Лилит совсем не ожидала, что в этом дворце есть ещё кто-то! Он… он вошёл уверенно, завораживал и искушал. Он был красив и силён.

Страсть и харизма, сила и власть, вежливость и такт. Всё это ослепляло Лилит. Не спросив, кто она, и не представившись сам, обворожительный незнакомец направился стремительно к Лилит и резко схватил её за талию. Жадно целовал за шею и шептал низким голосом:

– Наконец ты пришла, я тебя ждал! Теперь ты моя! Мы вместе сделаем невозможное! Мужчина страстно целовал, ласкал и жадно тискал Лилит. Её платье было порвано, и она стояла перед ним во всей своей наготе. Лилит наслаждалась состоянием, процессом и чувствовала прилив сил и власти, о которой много раз мечтала.

Ночь длилась долго, она была слиянием тел и энергии. Союзом животной страсти и владения плотью. В ней не было души и теплоты, но все физические пороки были максимально удовлетворены.

Это была связь на грани падения, боли, игры, ненасытности и тотальной власти. Было все кроме близости.

Глава 10. Падение и пробуждение

«Встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным».
(Карл Густав Юнг)

Проснувшись от очередного слияния с незнакомцем, она уже не чувствовала страсть и наслаждение. Лилит чувствовала боль, насилие и непонимание, все тело ломило, каждая клетка ее тела стонала от боли. Ее плоть была красива и свежа, но Лилит чувствовала, как будто ее сожгли заживо, но она почему-то жива.

– Одевайся, – грубо ответил незнакомец, вставая с кровати и отправляясь в золотой душ!

Лилит надела платье чёрного цвета, скромное, похожее на платье слуги, ну никак не королевы дома, которой она была ночью! Чувствуя облегчение и некое родство.

Лилит остановила незнакомца, его звали Эдем, вышедшего из душа, вопросом:

– Кто ты и как я здесь оказалась? Эдем, рассмеялся пронзительным смехом, от которого внутри всё холодело…

– Я твой господин, милая, запомни… Ты же мечтала, что кто-то придёт и тебя спасёт! Я пришёл, и теперь ты моя! И с этого дня у тебя будет всё, о чём ты мечтала!

Собирайся, быстрее. Замок Эго будет встречать свою хозяйку. У нас впереди новый и насыщенный день.

Эдем и Лилит спустились вниз. Всё было ещё прекраснее, чем ночью, но ощущение клетки и неволи сильно тяготило Лилит. Всё было из лучших мечт и картинок, но от всего сквозило холодом и пустотой! Еда совершенно не насыщала, вино было кислое и только вводило в усталость и сон. Во дворце, или каменной башне, как теперь уже казалось, было всё золотое, роскошное, хрустальное и украшенное алмазами.

Не было ни единого живого существа и растения. Весь день в роскоши был написан мрачным и странным состоянием, напоминающий кошмарный сон!

К вечеру был званый ужин, много гостей, пьяные лица, пожирающие еду и алкоголь, шутки про кровь и насилие, женщины одинаковые в своей холодной и неестественной красоте! А за воротами, в окнах, вместо дороги к саду Веды, была нищета и выкрики бедняков, которые пытались сломать двери, чтобы обокрасть замок и поживиться роскошью и вкуснейшей едой.

Лилит была королевой этого праздника, её знакомили с гостями, все ей рукоплескали и делали комплименты, и от каждого лицемерного комплимента её кровь буквально холодела. Ладони и ступни были ледяными, а голова кружилась, и ощущение потери сознания её не покидало. Она только и твердила, это сон. Я скоро просунусь.

Глава 11. «Зеркальный зал»

«Тень – это то, что ты предпочитаешь не видеть в себе, но что видят другие».
(Карл Густав Юнг)

После званого ужина, который Лилит еле выдержала, Эдем подвёл Лилит к огромной, в полстены, зеркальной галерее. «Здесь ты увидишь свою настоящую силу», – сказал он, и его голос прозвучал как щелчок выключателя.

Зеркала ожили. В них танцевали, смеялись, вели умные беседы десятки отражений Лилит. Но это были не она. Одна – блистательная светская львица, сыплющая остротами. Другая – жесткая деловая амазонка, от приказаний которой трепещут подчинённые. Третья – роковая соблазнительница в объятиях разных мужчин. Все они были идеальны.

И все были абсолютно пусты. В их глазах не было жизни, только холодный, отполированный блеск чужих ожиданий.

Лилит закричала: «Это не я!»

Её собственный голос потерялся в гуле чужих жизней. Эдем схватил её за плечи, его губы коснулись её уха: «Но это можешь быть ты.

Выбери любую. Стань идеальной. Зачем тебе быть собой?»

В этот момент она увидела в дальнем зеркале своё настоящее отражение – испуганную, уставшую, в чёрном невзрачном платье. И это было единственное живое лицо во всей галерее.

«Нет, – прошептала она. – Я выбираю эту. Выбираю её боль, потери, веру и любовь. Выбираю её жизнь».

И зеркальная стена с оглушительным треском дала трещину.

Лилит наконец потеряла сознание. НА этом ужасный день, полный роскоши, но внутреннего напряжения и конфликтов был закончен.

Глава 12. Дверь в детство

«Невыраженные эмоции никогда не умирают. Их закапывают живыми и позже они вылезают тем более уродливыми».
(Зигмунд Фрейд – о подавленной памяти)

Очнулась она в большой комнате, но ранее ей не знакомой. Она резко вскочила, и в голове были всё те же слова из её стихотворения:

– «Спускаясь туда, где тьма и порок, увидел я прелести бок»…

Повторяя эти слова как мантру, она шла по коридору в поисках выхода. На одной из дверей была надпись**: *«Я черпаю силы из памяти той».***

Лилит резко открыла дверь и оказалась в маленькой комнате из своего детства. Пьяный отец выяснял отношения с мамой, маленький брат лежал в кровати и плакал от громких голосов. Ужас и страх посетили Лилит. Но она вошла сюда уже не маленькой девочкой, а взрослой женщиной, которой под силу пройти эту сцену заново.

Лилит вошла, но её как будто никто не заметил. Она наблюдала сцену, когда-то в детстве пугавшую её до ужаса. А сейчас она была просто зрителем. Лилит смотрела и видела любимого отца, который поддался своему пороку и отчаянию, который потерял себя и хочет любви и уважения.

Она видела боль его жизни, груз его семьи и пройденной войны, нереализованность, силу темперамента, смешанную с желанием власти и болью от собственной слабости!

Маму, которая была обижена, разочарована и напугана. Рядом с ней витало облако слов, которое кричало так громко и так пронзительно, но совершенно молчаливо! «Я тоже хочу любви, я тоже ради тебя бросила учёбу, я тоже слаба, и мне нужна поддержка и внимание».

Это был конфликт двух душ, которые молили друг друга быть услышанными. Лилит подошла к отцу и матери, взяла их за руку и сказала: «Я вижу вас, я люблю вас, я благодарю вас!»

В эту же минуту она увидела уже взрослых родителей в то время, когда ей было 15, когда они ею гордились. Когда дома царили нечастые, но вполне привычные минуты покоя.

Комната вдруг опустела. А на старом диване было письмо. Лилит подошла, взяла письмо и достала листок со своим почерком. На листе было написано стихотворение, которое она написала после смерти отца. Когда-то оно стало первым её общением с бумагой через стихи.

Я черпаю силы из памяти той,
когда мы играли и были семьёй,
когда ты сажал меня на колени
и гладил своею рукой.
Я помню тот голос, знакомый такой,
он мне говорил: «Ты мой самый родной».
Любил очень нежно и тихо порой,
и я понимал – повезло мне с тобой.
Ну вот, тебя нет, и в ответ тишина;

а голос со мной, твой, навсегда.
И взгляд – спокойный, веселый,
тревожный порой,
до боли такой он родной.
Хочу, чтоб смотрел и гордился ты мной.
Я черпаю силы из памяти той…

Глава 13. Лабиринт масок

«Человек имеет столько социальных масок, сколько кругов общения, в которых он участвует».
(Карл Густав Юнг о Персоне)

Лилит выходит из комнаты и снова бежит по коридору в поисках нового выхода! Почти обессиленная, но вспомнив, что это Замок Эго и она должна из него немедленно выбраться, она натыкается на новую дверь. Дверь железная и отличается от остальных дверей своим современным стилем!

И вот резким движением руки она открывает новую дверь. Войдя туда, Лилит оказывается в большом бизнес-центре. Вокруг гул, перед глазами меняются картинки:

Собрание на работе в офисе, смех и обвинения в курилках, каблуки высоких женщин в костюмах и узких юбках, и вдруг кто-то подходит к Лилит и говорит: «Ой, ты так поправилась!» И следом слова: «Да нет, она молодец, она всегда выглядит моложе своего возраста». Голос начальства— «соберись, ты что дура, говори четко, ты хочешь потратить наши деньги, да кто ты такая чтобы решать. Я тебе сказала – быстро».

Резко – пробки на дороге, все куда-то спешат, на дороге коллапс, аварии из дорогих и простых машин, всё стоит.

Все люди напоминали бездушных существ. Всё цветное, но при этом серое и страшное. Запах гари – не шашлычной, а горькой, сырой, осенней.

Летний день. Тёплый вечер. Сырые угольки и смех. Прекрасный день с семьёй, обрезанный визгом. Обожжённые лапки после прыжка через костёр. Резкий скачок. Тишина перед бурей. Ожидание чуда. Разговоры с малышом. И вдруг – вой сирены, вырывающий мир из пазов. Белый потолок «скорой». Приговор, пробивающий тишину насквозь: «Он в реанимации». Гул вернулся, но теперь он жил в телефоне. Спокойный вечер. Чашка чая. Звонок. И не голос, а башенный крик, прожигающий ухо и самоощущение: «Ты что, совсем дура? Ты меня не поняла?!» Тишина между гудками густела.

Вечер. Смс. Четыре слова: «Прости, я нашёл другую…». И тихий, беззвучный, разрывающий крик где-то под рёбрами, пока тело медленно сползало на пол. Шесть месяцев бессонных ночей, спрессованных в один миг.

Резкий окрик в душном салоне. «Уйди, что стоишь!» – и женщина, врывающаяся в автобус, толкает в спину. Унижение, упакованное в пять секунд.

Снова лица. Много лиц. Мрачные, с кривыми улыбками. Их губы шевелятся: «У меня дела лучше всех». Их глаза говорят: «Ты тощая как скелет… Ты жирная. Ты – ни та, ни эта».

Голоса накладываются друг на друга:

«Что ты выносишь мозг, разберись сама».

«Я же для вас жила…»

И шум. Беспощадный шум лиц, голосов, событий, будоражащий кровь и вымывающий почву из-под ног. Это был не лабиринт.

Это была дробилка памяти, перемалывающая её на осколки, которые теперь кружились вихрем, каждый со своим шипом, своей болью, своим укором.

В этом калейдоскопе Лилит сходила с ума и искала выход, но выхода не было. Она громко закричала, перекрывая шум собственной биографией: «Я ТАК НЕ ХОЧУ!»

Лилит засунула руку в карман и нашла новую записку. Она почему-то была уже в джинсах, кедах, топе и пиджаке.

«Это же моя записка, мой стих!»

Лилит судорожно открыла записку, уже понимая, что все её стихи были не просто словами, ранее написанными, а пазлом, ключом к её освобождению. А сейчас она мечтала именно найти выход из Замка Эго, который из красивой клетки превратился в иллюзию сумасшествия, страхов и воспоминаний. Лилит начала читать:

«Мы носим маски и плащи,
и вроде бы неприметно,
Но сняв её, увидев свет,
и понимаем – мерзко…
Холодный взгляд и резкий жест,
и всё тебе вновь не знакомо,
И неприятно ни на метр,
и жжёт, съедает как истома.
Ты носишь маски для людей,
Одним ты кажешься богатым,

Другим – хороший друг
,идей, кидая, если надо.
И вроде бы бежишь помочь,
забрав потом назад в стократном
Всё размере!
Хорош для многих ты как Бог,
и притворяешься ты Богом,
Другим даёшь покой,
а третьим – счастье и подмогу.
Кому-то просто тело, а что ж не дать,
раз ты сама хотела!!
А кто ты настоящий?
Обычный парень-неудач,
Шакал в обличии титана…
И злости, и обид, и лжи,
и горести подвластен.
И бьёшь ты, типа, без обид,
обиднее чернильной страсти.
А ложь она всегда же рядом,
идёт с тобой плечо к плечу
И помогает, если надо,
играть тебе на репутацию.
Издевки, смех и стёб – всё это близко,
Сплошное лицемерие и месть.
Да… и уходим по-английски!
А вот добро, защита, друг, любовь…
Мим… пустые просто рифмы.
Да и зачем они, когда и так
тебя зовут пить снова виски!»

«Это больше не мой мир! Я выбираю его отпустить…» – еле слышно прошептала Лилит. – Мне в нём больно!

Глава 14. Прорыв к себе

Лилит стояла, сжимая в руке записку, будто это якорь в бушующем калейдоскопе бездушных лиц, ревущих моторов и ядовитого смеха. Слова стихотворения жгли ладонь, но теперь это был очищающий огонь.

«Это больше не мой мир», – прошептала она, и в этой фразе не было сомнения. Была констатация факта. Она больше не побежала. Не стала метаться в поисках двери. Вместо этого она закрыла глаза. Плотно. Зажала уши ладонями, заглушая гул толпы, гудки машин, фальшивый смех. Внутри не было тишины. Там звучали другие голоса. Шёпот роз из сада. Голос Веды, шёпот травы, Тихий стук её собственного сердца, ровный и уверенный. Она мысленно обратилась к богу!

«Помоги мне, Боже!»

Последнее время именно вера помогала ей на её пути.

Когда она открыла глаза, она оказалась в коридоре и уверенно прошла через все комнаты, которые больше не имели над ней власти! Мир Замка Эго, лишённый её веры, её страха и её энергии, начал блекнуть и рассыпаться. Она посмотрела на железную дверь, через которую вошла. Дверь в комнату детства. Массивную дверь в зал роскоши. Проходя, она видела много разных сцен из своей жизни, в которых ранее она видела боль, страх, разочарование, предательство, потери веры.

Все эти двери были открыты и проносились в её памяти. Но теперь все эти воспоминания были не только источником боли, а сопровождались ностальгией, уроком, силой и реальностью существования без драматизма. Они светились светом и добром, которые были в каждом прожитом дне. И тогда Лилит поняла. Выход – не в том, чтобы найти правильную дверь. Выход – в том, чтобы перестать быть пленником, для которого нужна дверь.

Она разжала ладонь и посмотрела на смятый листок. Это был не просто ключ. Это была часть её скелета, часть её опоры. Она жила из страха, обид и разочарования. Это была основа её конструкции. Лилит подняла голову и громко, на весь иллюзорный мир, произнесла своему страху:

– Я вижу тебя. Ты – моя боль, мой страх одиночества, моя жажда доказать, что я чего-то стою. Мой страх отвержения и жажда признания. Ты – крик той девочки, которой было страшно. Ты – крик уставшей матери, крик разочарованной женщины. Но я больше не она. Я – та, кто прошла через тебя. Я – та, кто пишет стихи. Я – та, кто сажает розы. Та, кто нашла бога внутри себя. И встретилась со своей тенью лицом к лицу!

Ты был моей тенью, а теперь – лишь воспоминанием о том, где я была. Я благодарю тебя за урок. И отпускаю.

Глава 15 Побег из замка ЭГО

«То, чему ты сопротивляешься, остаётся. То, что ты принимаешь – трансформируется».
(Карл Густав Юнг)

«Эдем», – прошептала она в тишину зала. И слово это рассыпалось во рту горькой пылью. Не рай. Не любовь. Не дом. А гордыня, жадность, лицемерие и высокомерие.

«Исчадие Ада» – прозвучало внутри уже её собственным, железным голосом. Больше ты меня не остановишь. Это не было криком. Это был приговор, вынесенный самой себе. И с этим приговором в глазах она резко развернулась и выбежала в сумрачный двор. Ноги сами понесли – не к парадным воротам, а во двор, к конюшне.

Она ворвалась внутрь. И в груди всё сжалось, остановилось, а потом забилось с дикой силой свободы и ностальгии. В луче пыльного света стоял он. Серый. Тот самый. С той самой белой звёздочкой на лбу и глубокими, спокойными глазами, в которых отражалось деревенское небо её детства. Он стоял, как будто ждал все эти годы. И был уже оседлан. Без мысли, на одном животном порыве, Лилит вскочила в седло, и крикнула: – ДАВАЙ! К СВЕТУ!

Конь рванул с места, вынося её во двор. И тут же, из-за каждой тени, из каждой щели в камнях мостовой, начали выползать они.

Бедняки и больные, но не жалкие – оскаленные. Их лица искажались не болью, а какой-то зловещей, знакомой гримасой. Они не просили – они требовали. Их руки тянулись к стременам, к ногам коня, тянули за подол платья, их рты, искривленные в улыбках, шептали хором:

Останься… Мы же часть тебя… Ты наша…». Они кидались под копыта, не чтобы остановить, а чтобы заразить своим отчаянием. А сквозь этот шепот, сквозь топот копыт, начал прорастать другой голос. Нежный, вкрадчивый, сладкий до тошноты. Голос Эдема. Он звучал не извне, а из самой глубины её черепа, как воспоминание о зависимостях.

Куда ты, моя радость? – ласково спрашивал он. Это же всего лишь бунт. Истерика уставшей девочки. Посмотри, какая тут красота. Какая стабильность. Я дам тебе всё. Ты будешь совершенной. Ты будешь любимой. Просто вернись. Ты же знаешь, что одна – ты ничто. Одна ты не справишься. У тебя не получится. Мир огромен и жесток, а здесь – тёпло и безопасно. Ты же боишься. Боишься по-настоящему. Это и есть твой страх, детка. Голос сливался с воем ветра, превращался в оглушительный гул мегаполиса, в рёв миллионов чужих мнений, в давящий хохот общества: НЕ СПРАВИШЬСЯ! НЕ ПОЛУЧИТСЯ! ВЕРНИСЬ В СВОЮ КЛЕТКУ!

Но Лилит уже не слушала. Она вжалась в шею коня, чувствуя, как бьётся его горячее сердце в унисон с её собственным. Это был ритм жизни. Ритм пути. Её путь. – ВРЁШЬ! – крикнула она в лицо ветру, в лицо призраку Эдема, в лицо собственному страху. – Я УЖЕ СПРАВЛЯЮСЬ!

Глава 16. Болото Памяти

«Нет пути к свету, кроме как через тьму».
(Старая алхимическая мудрость, которую часто цитировал Юнг)

Конь ставил Лилит у большого болота в дремучем лесу. Через него она должна была пройти сама. Лилит попрощалась с конем, зная, что дальше должна идти одна.

Было страшно, но внутри, после выхода из Замка Эго, было намного спокойнее и живее. Лилит сделала шаг и погрузилась в болото… Она закрыла глаза и крикнула: **«Помогите!»**

И уже новый зловещий голос раздался в тишине. Это были хранители болот: – «Ты снова вернулась. Правильно. С нами спокойнее и теплее, чем в Замке Эго. Мы не ад. Мы – трясина.

Помнишь, как ты нас любила? О, да! С наслаждением жевала жвачку, ходя из угла в угол, переваривая одну и ту же мысль, откладывая всё на потом, не делая шаги никуда… О да! Ты дома же!!» Лилит слышала голос и вспоминала весь путь своей внутренней трансформации. И да, как же там много было переваривания одних и тех же событий.

«Наверное, они правы, и я всё равно провалюсь заново в болото», подумала Лилит. Но впереди Лилит увидела свет. Светлячки!

Много, яркие и красивые! Они не кричали, а как будто шептали, но она слышала каждое слово: – «Ты не жевала, а анализировала. Ты искала связи и смыслы. Ты не жевала, а проживала, чтобы увидеть во всех ситуациях урок и огромный ресурс. Вспомни»

Лилит вспомнила много разных ситуаций с Леоном и поняла, что если бы не все эти взлеты и падения, она бы так навсегда и осталась в забытьи. Вспомнив его добрые руки, прошептала: – Благодарю. Ты был моим ключом к себе. И чудо – она смогла идти дальше! Её молниеносно выпрямило и вытолкнуло из трясины.

Пройдя метров двести, на пути её ждали колючие ветки хвойных деревьев! Они встречали словами: – Добро пожаловать к нам. Тут будет больно!

Ветки окутали её крепкими жгутами, а в небе начали показываться сцены из жизни: смерть папы, потеря бабушек и дедушек, развод, расставание, больница с грудными детьми, болезни… Когда боль потери была невыносима!

Тело уже сжималось не от еловых веток, а от боли и тоски. Так четко были показаны картинки, что всё молниеносно возвращало в место потери и боли!

Светлячки следовали за Лилит и снова шептали: – «Не верь! Не верь!!! Это было больно тогда, но ты это прожила. Ты это приняла. Ты научилась отпускать. Так ничего в этой жизни тебе не принадлежит, и всё – божественно!» Лилит прошептала: – «Да… Я отпускаю тебя, боль. Я отпускаю тебя, контроль».

Глава 17. Ключ различия (Испытание Спасителем)

Было утро. Лилит крепко спала после долгих испытаний болотом и побегом, когда её грубо толкнули. Рывок был таким неожиданным, что сердце замерло, а в глазах потемнело. Она открыла глаза, но не узнала ничего вокруг. Где она? Воздух спёртый, густой, им трудно было дышать. Она резко поднялась, теряясь в догадках. И тут – белая фигура. Чистая, светящаяся. И голос, громкий и властный: – Вставай. Я за тобой. Лилит рванулась к ней. Сердце забилось от надежды – наконец-то!

Спаситель! Она кротко присела рядом на пушистый от зеленого мха пень, заглядывая в глаза с полным доверием, ожидая указаний, мудрых слов, поддержки. Но голос, который зазвучал снова, был жёстким. Слова сыпались, как острые камни, саркастичные, холодные. Лилит почувствовала, как язык заплетается, как в горле пересыхает. Она начала заикаться, невольно зевать от напряжения, сжиматься в комок от собственной неуверенности. Та, что стояла перед ней, казалась взрослее, выше, непоколебимой. Её речь была отточенной, полной уверенности, которой так не хватало Лилит.

Она казалась тем самым наставником, учителем, способным вывести ее из этой тёмной чащи… Но чем больше Лилит вглядывалась, тем яснее становилось: эта фигура не вела её к свету.

Она настойчиво, всё громче и жёстче, предлагала вернуться. В Замок Эго. «Ты слаба, – звучал голос. – Ты больна. Одна ты не справишься. Твоё место – там, где есть порядок. Где тебя направят». И в этот момент, когда казалось, что сил сопротивляться не осталось, из самой глубины души поднялись слова. Её слова. Стих, который она когда-то написала, будто предвидя этот миг.

Лилит закрыла глаза, и стих полился сам, становясь щитом и оружием:

Пришёл ко мне спаситель – тот ангел, что ждала!
Пришёл в обличье Титана, которого звала.
Внутри всё встрепенулось: «О, помощь! Да, да, ждала!..»
Но тело содрогалось, а мысли вязли в тень,
И чуть я не сломалась, от грозных: «Будь проще и сильней!»
Всё было как в кошмаре – сплошная дрожь и мгла.
Все путалось в сознании, не узнавая вновь себя!
Огонь всё тело выжигал, а разум как смола, тягучая была.
И в диалоге этом – ни капельки тепла.
«А почему здесь так темно? Я чудо же ждала!
Здесь – пустота… воюющая в теле!
А мысли странные стучались: не тем путём идешь, ты в самом деле!?
А гость, всё тихо продолжая:
«Ты болен. Знай. Смирись, скорее мне ты подчинись!
И не летай, там нет спасенья! Твоё спасенье – только в нас.
И никуда тебе не деться, ни завтра, ни сейчас!
Ты будешь делать это, и будешь делать то».
«Пока ты выбираешь свет, тьма будет тоже рядом!»

Она открыла глаза. Белая фигура стояла, но её свет теперь казался холодным, чужим.

Но, заглянув в себя поглубже, увидела я вдруг:
Не ангел вовсе ты. А Ты – посланник беса.
Совсем Ты мне не друг, а злобная система без ответа!
И не поймёшь души моей, и не поможешь мне ответом
– Ты хочешь правду навязать, в свою систему ценностей вогнать!
Души прозрения закрыть, в чужую жизнь меня вместить!
Фигура дрогнула. Её чёткие контуры начали расплываться.
И это есть урок Вселенной: ты слушай, деточка, себя!
Там есть твои ответы – и знаешь все давно сама!
Своим чутьём нашла советы!
Волшебник не придёт с ответом, он свет направит на тебя.
Он даст ключи и знаки. Когда поверишь в себя!

Последнее слово прозвучало тихо, но с такой силой, что белая фигура рассыпалась, как пыль на ветру. Давление исчезло. Воздух стал свежим и лёгким. Лилит стояла одна, но уже не потерянная. Она нашла ключ – ключ различия между истинным зовом души и ложным светом спасения, которое оборачивается новой клеткой. С новым пониманием, она отправилась дальше.

Глава 18. Хор теней

«Цель психологического развития – не идеал совершенства, а целостность».
(Карл Густав Юнг)

Пройдя через частокол елей, Лилит вышла на поляну. В центре стояла каменная ротонда. Внутри, в пустом круглом зале, её ждал только деревянный стул. «Садись», – прошептал ветер. – «Они идут». Лилит села. Из проёмов в стенах появились фигуры. Она сжалась, узнавая в них себя.

1- Кормилица с озлобленным лицом (в измятом халате): «Я – та, кто кормит, но сама голодна. Без меня всё рухнет. Ты бросила меня».

2- Дитя на Страже (с игрушкой в руках):

«Я всё ещё стою между папой и мамой. Всё ещё боюсь. Ты оставила меня в той ссорящейся квартире навсегда».

3- Порочная Любовь: «Меня назвали „слишком“. Ты спрятала меня как позор. Зачем ты сейчас здесь?»

4- Функция без Человека (с пустым планшетом): «Я делаю деньги. Я решаю задачи. Я пуста. Ты выжала меня досуха. Отпусти».

5- Женщина-Пластырь (с пустыми карманами):

«Я всем помогаю, всех слушаю. У всех есть моё плечо. А у меня нет никого. Кто поможет мне?»

6- Гостья в Собственном Теле (закутанная в одеяло): «Я – твоё оправдание ничего не делать. Твоя безопасность. Без меня тебе пришлось бы жить».

Их голоса слились в тяжёлый гул. Потом пришли сущности.

1- Дрожащая Невидимка (дрожащий):

«Если ты будешь собой – тебя бросят. Я защищаю тебя одиночеством».

2- Хор Чужих Глаз: «Что подумают люди? – это я. Без меня ты станешь изгоем».

3- Голодная Сравнивательница: «Я показываю тебе, чего у тебя нет. Ты голодна, и я – твой голод».

4- Стража Одиночества (холодная и неприступная): «Я не пускаю никого близко. Я говорю: „Справлюсь сама“. Я делаю тебя сильной и одинокой».

Лилит, бедная Лилит, она была потеряна, практически без сил, и это испытание ей казалось уже невыполнимым. Глаза опустились на пол. Камень начал светиться, это были странные надписи. О боже, это же мои стихи!

Лилит прочла:

Как много граней и теней,
Мы словно сотканы из нитей.
А вот какие мы пойми?
Звучит мне голос по наитии.
Кому-то я любимый ангел,

Кому-то злобный адский крест.
А кто-то видит свою гавань,
А кто-то крестится: «Ой, бес!»
А для кого-то я любима,
А для кого-то словно грязь.
Одним кажусь я очень милой,
Другим – хабалка и протест.
Кому-то я пример, кому-то – не дай бог.
А для кого-то я умна,
Другие думают: «Вот дура!»
Кому-то слишком я толста,
Кому-то – как бревно, брезгливо.
Кому-то я спокойна,
Кому-то – истеричка.
А кто-то видит здесь врага,
А кто-то – всё: «Моё! И это мило!»

Подняв глаза, увидела очередную свою часть.

5- Ярость с Завязанным Ртом: «Я – твоя правда, которую ты давила годами. Я – твой крик, ставший болью в горле». Тихо, еле слышно проговаривала она.

6- Ненасытное Дитя Пустоты: «Ты росла в нужде. Я говорю: „Хватай всё!“ Ты стыдишься меня, но я – просто твоя воля выжить».

Хор обвинений рос. Лилит, охваченная паникой, и только её собственное стихотворение напоминало ей, что все части важны и все они нужны! И когда она услышала голос Веды, ей казалось, она понимала все её слова уже наперёд!

8- «Цельность – не в том, чтобы изгнать эти части. А в том, чтобы дать каждой место и право голоса. Каждая служила тебе. Поблагодари их». Сквозь слёзы Лилит начала отвечать, обращаясь к каждой сущности:

9-«Кормилица, я вижу твой труд. Отдохни. Дитя, твоя война кончилась. Я взрослая, я защищу тебя. Любовь, ты не позор. Ты – дар. Функция, ты можешь работать в своём ритме. Пластырь, ты спасена. Теперь можно заботиться о себе. Гостья, тебе не нужно прятаться. Я готова жить».

Она обернулась к сущностям: «Невидимка, будь сигналом, а не тюремщиком. Хор, стань мудростью. Сравнивательница, стань аппетитом к жизни. Стража, стань достоинством. Ярость, стань силой. Дитя, научись принимать».

Шум стих. Фигуры не исчезли, но их лица смягчились. Они отступили в тени, оставив в зале мирную тишину.

Лилит вышла. Внутри не было войны. Было понимание: она цельная. Все голоса были её частью. И теперь они могли говорить в унисос.

Глава 19. Я – Ведьма

Тишина после хора была густой и звонкой. Лилит стояла на поляне, и внутри не было войны. Не было даже диалога. Было простое, ясное знание, которое больше не нуждалось в обсуждении.

Теперь она понимала значение слов: «Ничто не волшебство, всё лишь разная степень знания».

Она прикоснулась к груди – туда, где раньше была пустота, а теперь жил тёплый, ровный свет. И из этого света, как из самого сердца земли, поднялись слова. Не просьба, не молитва – констатация. Закон, написанный её собственной кровью и принятый её душой.

Я – Ведьма. Веда. Мать. Я знаю.
И всё теперь я допускаю.
Ошибок нет в системе этой,
Все знания идут ответом
На твой запрос, на твоё право.
Ведь у всего – своё начало!
В нас есть исток и путь пророка,
Подписан он ещё до срока,
И меткой в теле закреплён
До важных, для него, времён!
Я – Ведьма. Веда. Мать. Я знаю,

И сущность эту принимаю.
Я принимаю путь творца
И каждый поворот событий!
Всё было явно… всё не зря.
Во всём есть нити бытия,
Причина, плоть, итог, игра…
Все части смысла для тебя!
И ты найдёшь своё однажды,
Как только вспомнишь ты себя!
Ты пишешь сказку о вчерашнем,
А завтра – здесь уж ждёт тебя!

Слова отзвучали, но их вибрация осталась в каждой клетке – как печать, как заверение. Это был не экстаз. Это было спокойное, абсолютное признание себя в новой, окончательной роли. Не той, которую ей дали. А той, что она выбрала и сотворила сама. В этот момент ее родимое пятно, которое было с рождения с размером с монету на внутренней части бедра – засветилось и загорело.

Как будто это был ритуал посвящения и объяснения. Что это за метка на ее теле, которая была у нее с рождения.

Она обернулась. Лес расступался впереди, приглашая дальше. Лилит сделала шаг. Теперь каждый её шаг был подтверждением того, что только что прозвучало.

Глава 20. «Разговор с телом»

Лилит, уснувшая на корнях деревьев после всех испытаний, проснулась у огромного дуба, прислонилась спиной к шершавой, тёплой от солнца коре. Небо между ветвей было бездонным и медленным.

Она закрыла глаза и начала слушать. Сначала извне: шелест хвои, далёкая птица, журчание ручья. Потом – изнутри. Тихий, размеренный стук сердца. Глубокий шум вдоха и выдоха. Лёгкое покалывание в уставших ступнях.

«Здравствуй, – мысленно сказала она своему телу. – Прости, что так долго тебя не слышала.

Прости, что пилила диетами, травила табаком и стрессом, заставляла таскать неподъёмные грузы чужих обязанностей».

Она положила ладонь на солнечное сплетение, на живот, на грудь. «Вот ты какое. Ты – не оболочка. Ты – мой дом. Ты помнишь каждый смех и каждый удар. В тебе записана память о том, как я бегала босиком по траве, и о том, как плакала, свернувшись калачиком.

Ты хранишь силу моих объятий для детей и дрожь первого поцелуя. Ты – живая летопись меня, я благодарю тебя!»

По её щекам без всякой печали потекли тёплые, солёные слёзы. Это были слёзы благодарности. Она чувствовала, как под ладонью бьётся её собственный пульс – настойчивый, живой, упрямый ритм существования. Она не думала о душе, о смыслах, о прошлом или будущем. Она просто была. И в этот момент она почувствовала, как тепло разливалось по её телу, как свет сходил из кроны дерева и, проходя через неё, спускался к корням.

Она чувствовала не только себя, но и дыхание каждой ветки, каждой травинки, она наконец обрела Бога внутри своей души. И поняла, что её тело и есть дом Бога! Что она, как частица этого мироздания, где всё нерушимо связано в красивую нить бытия.

Глава 21. Материнское благословение

«Мать – это первая вселенная, из которой мы выходим, и последний приют, к которому мы возвращаемся в поисках покоя». (Архетип Великой Матери в юнгианстве)

Отдохнувшая Лилит, встала и направилась в сад Веды, она медленно шла, спокойно и лицезрев каждый листочек на дереве, слушая пение птиц и наслаждаясь теплым светом. Лилит была особенно прекрасна, на лице не оставалось ни капли пережитых сцен, только вера в глазах, здоровый румянец и кудри, развивающиеся от ветра! Впереди Лилит встретила свою мать, Мирославу. Лилит бросилась к ней в объятия, крепко прильнула к груди и не могла поверить своему счастью.

«Мама, мамочка», – шептала Лилит. – «Как же я рада этой встрече!» Лилит взяла мать под руку и стремительно направилась с ней вглубь леса. Но Мирослава остановила Лилит: «Давай пойдём тише, мне важно тебе кое-что сказать».

Мать волновалась и долго подбирала слова! От волнения ее щеки горели, а ладони дрожали, но ее теплый и любящий взгляд согревал все вокруг. Лилит чествовала, вот он мир в деше, который она искала.

– Помнишь… – начала женщина. – Я всегда говорила, что ты особенная, я верила в тебя, малыш. Я всегда знала, что ты пойдёшь дальше. Но я с тобой уже не пойду. Дальше ты сама, ты готова!

Лилит так была рада встрече, что не готова была отпускать мать, и совсем не понимала, почему они должны сейчас расставаться.

Женщина же протянула Лилит последний листок!

Со словами: «Я всегда его хранила, пусть теперь он будет с тобой, как символ моей любви. Каждое дерево в этом лесу будет помощником и источником энергии и твоих сил, когда ты будешь сомневаться или уставать, просто приложи руку к дереву или цветку, и ты найдешь новые силы и смыслы».

Мама поцеловала Лилит и удалилась, как будто и вовсе ее не было. Лилит растерянная, с грустью в глазах разворачивала переданный ей лист.

Ты, милая моя, родная мать,
Ты лучшее создание на свете!
Ты свет мой, нерушимый свет.
Я благодарна Богу и планете.
Я много плакала, ждала, искала одобренья.
Я много боли прожила, поняв простое озаренье.
Поняв, откуда знания идут, и что за ними скрыто!
Откуда свет идёт один, а где всё время сито!
Как много пройдено дорог, пока я осознала,
И только ты, всегда была одна,

так верно и неизменно одобряя.
Ты, милая моя, родная мать,
Ты лучшее создание на свете!
Ты свет мой, нерушимый свет.
Я благодарна Богу и планете.

Глава 22. Возвращение домой

«Индивидуальность – это путь к себе, к тому, кто ты есть на самом деле, за пределами всех масок и ролей».
(Карл Густав Юнг)

Лилит остаётся одна в солнечном лесу. У неё на руках – последний, самый светлый листок. Грусть от расставания сменяется ощущением невероятной лёгкости и завершённости. Лилит обнимает дерево и чувствует всю полноту единства с природой. И в этой тишине она не просто чувствует ответы – она слышит смех.

Не громкий, не рядом. А где-то там, далеко, за пределами леса, в другом измерении её жизни. Чистый, звонкий смех Лучии, ее маленькой прекрасной дочери. И спокойный, обстоятельный голос Люка, что-то объясняющий, сына. Они были её самым большим и самым светлым проектом. Но сейчас она понимала: она не оставила их. Она вернула им их свет, освободив от груза своей нерешённой тоски. А себе – вернула право просто быть их источником, а не стройкой.

«Мои Люк и Лучия… – прошептала она, и губы сами сложились в улыбку. – Мои два самых ярких луча. Теперь я могу просто светить вам навстречу, не заслоняя собой ваше собственное солнце».

Она не была им нужна как «сильная мать» из прошлого. Им была нужна светлая, целая женщина, чей покой они могли бы чувствовать даже за тысячу вёрст. И теперь она становилась ею.

«Я жива. Я и есть жизнь, свет и целая вселенная», – произносит она уже твёрдо, обращаясь к лесу, к небу, к тем далёким лучам, что носили имена её детей.

«Да, дитя! Ты всё правильно поняла!» – тихо произнесла Веда, подходя. – «Ты собрала все ключи. Даже те, что носили имена. Теперь твой свет не делим на части. Он просто есть. И он достаточен для всех, кого ты любишь по-настоящему».

Они тихо и молча направились в сторону домика Веды. Тихо, спокойно и с полным пониманием.

Вернувшись, она не бросилась рассказывать Веде о Замке Эго, им обеим казалось, что они все это знали. Лилит просто положила все собранные листки – от алой розы до материнского благословения – в старый дубовый сундук. Закрыла крышку, как прочитанную книгу.

Войдя в комнату, увидела шикарное платье, красного цвета, из чистого шелка. Веда: «Это тебе дитя. Теперь ты готова, не только знать суть, но и учить ею других»

Лилит надела платье. Цвет был таким насыщенным, что казалось, будто в комнате вспыхнул тихий, тёплый пожар. Оно не кричало. Оно утверждало.

Простое по крою, оно облегало её фигуру не для соблазна, а для свободы движения. Она вышла в сад. В этом платье она не была ни королевой на балу, ни служанкой, обслуживающую чью-то жизнь. Она была стихией. Женщиной-Розой. Женщиной-Кровью. Женщиной-Огнём, который больше не жжёт себя, а согревает своё пространство. Веда, увидев её, не сказала ни слова.

Просто кивнула – кивок мастера, видящего, что ученик превзошёл учителя. И улыбнулась той улыбкой, в которой была вся мудрость мира: «Да. Теперь всё на своих местах». Лилит поливала розы. Алое платье и алые розы перекликались, как эхо. Но теперь это было эхо не боли, а гармонии. Она поливала свои корни, одетая в цвет своей сущности. Уроки кончились. Началась жизнь в своём цвете.

Глава 23. Больница Ночь

Из каждой палаты раздавались стоны и хрипы. Люди, встревоженные своим состоянием, только и разговаривали о пилюлях и о том, как же им плохо. Один гул перебивал другой. Каждый рассказывал, насколько он больнее, как будто мерились бесценной валютой!

Женщина лет пятидесяти достала чемоданчик и показывала свои запасы таблеток, как будто это слитки золота. Вторая спорила и говорила: «Нет, у меня больше!» Молодая девочка, смотря с ужасом, плакала: «Я же ещё молода, за что мне это!» А дедуля рассказывал, как же прекрасно иногда отдохнуть в больнице, тут так вкусно кормят!!

И сквозь этот шум, сквозь эту коллективную исповедь отчаяния, в сознании Лилит, всё ещё плывущей между сном и явью, сложились строки – точные, как диагноз, и горькие, как лекарство:

– — И вот больница – темнота.
Надежды нет – всё здесь почти тюрьма.
Тюрьма от боли и обид,
Потери смысла и желаний.
И приговоров смертных и раскаяний.
Здесь каждый борется в тиши,
Чтоб каплей силы напиться,
Увидеть свет в больничной койке,
В покое – силу разглядеть.
Лучи к себе вновь повернуть,
И не ослепнуть, а прозреть.
А тот, он в белом – светлый доктор,
Палач-спаситель – всё в одном.
И не понять, где край спасенья…
А где простой гнилой шаблон.
У всех своя та притча света,
У всех свой компас за спиной.
И каждый здесь с важнейшей целью,
Найти свой дом – внутри какой!
У всех свой путь, но он обманчив:
«В таблетках, капельках – спаси!»
И так тут мало тех, случайных
– Кто ищет свет внутри души.
Он смотрит молча в пустоту,
И явно верит в это завтра,
Он молится и чуть прося!
Он точно знает, жизнь одна,

И лишь ему она дана.

Стихотворение повисло в воздухе, как конденсат на холодных стенах. Оно вобрало в себя весь воздух этой ночи – больничный, стерильный, отчаянный. И в этой тишине после внутреннего голоса Лилит наконец открыла глаза.

Глава24. Пробуждение

Лилит все еще чувствовала запах роз и яркое солнце, но уже начинала слышать запах больничной палаты. Пение птиц сменялось голосами и разговорами… Лилит открыла глаза. Вместо солнца – яркий свет лампы.

Она вздрогнула. Она была в больничной палате. «Это был сон?» – вслух спросила она себя. На самом деле она была в больнице после гипертонического криза. После пробуждения она начала вспоминать детали «сна», который давал ей надежду и ясность.

Но, видя себя в больничной палате, испытывала страх и думала: «Неужели я так себя довела, что всё…» И тело моментально с ней заговорило. Ранее она не умела его слышать и могла только распознавать чувства: радость, тревогу, злость, сожаление, эйфорию. А тело чувствовало, как тепло на солнце, холод на морозе, тяжесть после еды… Но теперь все иначе. Лилит была в палате одна. Голова была тяжелой, мысли путались, слабость. И этот туман еще больше наводил на неё непонимание. Что это? Кто я? Что это было? Я еще в этом измерении или именно это мне снится, а там я жила? Лилит не могла понять, где реальность, а где сон. И вот оно!

Каждый раз, когда Лилит вспоминала свои откровения и открытия из путешествия на Алтай, её тело отзывалось неподдельным теплом, огнем в руках, теплым и комфортным ощущением в голове, мурашками по телу.

Но стоило ей подумать о больничной палате, допустить к себе страх и беспокойство, как тело моментально срабатывало спазмами, головной болью и холодными, даже ледяными конечностями. Тело начинало самый искренний диалог, о котором можно было только мечтать! Оно моментально, как компас, отзывалось на каждую мысль. Это был невероятный, немного пугающий, при этом волшебный опыт.

Лилит погрузилась в разговор с телом. И теперь она четко знала: это был не просто сон. Это была реальность ее души, путь ее души, который был показан Лилит для новой жизни. Где Лилит – не просто женщина, а творец своей жизни, душа в телесной оболочке, между которыми – гармония и понимание! В этот момент в палату вошел доктор, очень добрый и внимательный. «Доброе утро, Лилит. Готовьтесь – сегодня вы едете домой. Вы абсолютно здоровы! – Я знаю. Я не только здорова. Я жива!»

Лилит вскочила с кровати, подбежала к доктору и обняла этого, по ее мнению, светлого человека! И, пархая, выбежала из больницы! Идя по прекрасному солнечному парку, она читала вслух, и слова звучали как клятва, как самый главный закон ее новой жизни:

Я здесь! Сейчас! Живу, порхаю!
Куда иду – теперь я знаю.
А тело – мой помощник,
Он – компас милый мой!
Он моя гавань, теплый дом!
Моя броня, защита!
И стража на пути творца!
Мы все пришли сюда за этим – Познать ту сущность бытия,
И всем найти ответы, эти…
Не отвергая, а творя!
Ты сразу, явно понимаешь,
Откуда ты… зачем пришёл.
Ты сразу, явно замечаешь – Огонь и радость…
Они – в нём!

Ты здесь – творить. Любить. Цвести.
Ты здесь, чтоб боли все пройти,
Не покалеченным уйти, а внутри сада расцвести!
И в суете не знать беды!
А просто – ЖИТЬ. Идти. Цвести…

Глава 25. новая встреча с телом

Лилит радостно отправилась домой. По дороге, по привычке, она купила вкусный кофе и достала сигарету. Это были старые её ритуалы, в которых она улетала от сложной реальности и чувства неприятия своей жизни. Сделав глоток, потом прикурив, затяжку за затяжкой, она почувствовала тошноту и полное отвращение. Состояние, как будто она теряет сознание. И она вспомнила Замок Эго, где вся еда была с запахом бензина и ацетона. Подойдя к первой мусорке, с легкостью выкинула и кофе, и сигареты.

Далее она пошла пешком, вдыхала жадно воздух и восторгаясь красками весны. Она не просто лицезрела природу, она была не просто человек на природе, но частью этого мира.

Придя домой и войдя в квартиру. Все было на своих местах. Было тепло, светло и тихо. Дети гостили у папы. Осматривая комнаты, она остановилась у большого зеркала и начала рассматривать себя. Ее отражение было другим… с другими глазами, осанкой, цветом кожи. Она не молодела, не изменилась, но изменилось ее восприятие себя! Лилит долго смотрела на себя в одежде, потом ей захотелось снять с себя все лишние, включая заколки, украшения и всю одежду.

И вот нагая Лилит смотрит на себя новую и улыбается, проговаривая слова: Смотрю я на себя с вопросом: откуда это всё?

Откуда эта проседь и тёмные круги,
Откуда взгляд, потухший и старые носки?
Откуда я пришла… И где оно, начало?
Из родинки? А может, из астрала?..
Обычной женской плоти – дочь!
– в порыве схваток и огня.
Где всё простое, сокровенное…
Всему назначена цена!
И вот – опять красивый слайд.
Красиво и шаблонно.
И культ в ответ: «Ты сделай сам себя и сделай явно лучше!
Морщины срочно убери,
Усы ты сбрей, а то густы!
И целлюлит – он фу, беда!
Тогда я снова жду тебя!»

А вам не надо меня ждать.
Я здесь стою. Живу. Играю.
Играю жизнь я для себя.
В своём родном, живом начале,
Влюблённая я вновь в себя.

Она опустила руку и коснулась своего отражения, а потом – груди. И всё внутри затихло, будто слушало. Лилит села на пол, прямо на ковёр, и закрыла глаза. Теперь она слышала не мысли, а тело. Стук сердца. Дыхание. Тёплую тяжесть в ногах после долгой дороги. «Здравствуй, – прошептала она внутри. – Это снова я. Но теперь я другая. Я вижу тебя. Прости, что раньше не замечала, что пилила диетами, травила дымом и стрессом, заставляла таскать на себе всё, что было не моё».

«Ты – не просто оболочка. Ты – мой самый настоящий дом. И я благодарна тебе. За то, что выдержало. За то, что ты привело меня сюда, в эту точку безусловной любви, и прости меня за то, что я тебя не слышало, и подавляла все твои подсказки во благо социума и людей»

По её лицу потекли слёзы. Тёплые, спокойные. Не от горя, а от этого странного чувства – будто она наконец-то вернулась в самое родное место на свете. Она нашла своего Бога не где-то далеко, а в своем тело.

И впервые наконец обняла себя крепко и по-настоящему! почувствовала – она дома. По-настоящему.

Глава 26. Финальная точка

Был холодный день. Лилит взяла телефон и увидела сообщение от Лео. «Как дела, давай попьем кофе, если не занята». Внутри у Лилит всё вздрогнуло. С одной стороны, это была закрытая дверь. А с другой – Лео был для неё не просто мужчиной, которого она до сих пор любила, но и её учителем. Благодаря которому, она прошла и откопала в себе столько потаённых мест, которые ждали исцеления!

Лилит была свободна. И с радостью написала: «Хорошо, в шесть, в кофейне».

Встреча состоялась ровно в назначенное время. Лео и Лилит были очень рады друг друга видеть. При встрече они обнялись, как близкие и родные люди. Лилит чувствовала дрожь и трепет. В её сердце теплилась надежда: а может быть, в этот раз будет не так? Ведь она явно изменилась. Лео заметил её изменения и напрямую сказал: «Ты какая-то другая» ….

В общей своей своей атмосфере вечер был приятный. Пили кофе и ели пирожное. Лилит взахлёб после рассказывала о её путешествии в Сад Веды, её открытиях и инсайтах в больнице, её испытаниях и кошмарах в Замке Эго… Как остановилась от ужаса и пустоты внутри… Она смотрела на Леона, и соединяла пазлы из их общения.

А он смотрел на часы. Отвлекался на камин. Старался переводить разговор на огонь, который горел в камине. Смотрел вслед хорошеньким официанткам. А на Лилит смотрел как на возможность овладения. И все её рассказы обесценивал казавшимся безобидным сарказмом. И да, ранее Лилит даже смеялась над этими шутками…

Но здесь она как прозрела. Она спросила Леона: «Ты меня видишь?» «Ну да, ты же рядом», – Только ты стала какой-то другой. Снова повторил Леон. Лилит посмотрела ему в глаза и озвучила:

Да ответили Лилит – я стала еще сложнее. Хотя помнишь, а ты говорил: «Будь проще» Но знаешь, я столько лет пыталась быть «проще». Продолжала Лилит. «Ты говорил терпи, и я терпела! Я была проще для отца, чтобы не злить. Проще для матери, чтобы не расстраивать. Проще для мужа, чтобы не казаться быть как все. Проще для тебя, чтобы ты не называл меня актрисой. А в итоге я стала «проще» до полного исчезновения. Терпела, так что заморозилась. И сейчас, – я больше не хочу быть «проще». Не для кого.

Я хочу быть собой. Даже если это «слишком»!

«Ты меня не любил. Ни тогда, ни сейчас.
Ты меня лишь губил, принижая всегда!
Ты меня не любил – только глупость творя.
Призывал всех на свете, чтобы верила я!
Да, ты розы дарил и подарки носил,
Даже кран без проблем утром ты починил,
И средь ночи разок ты в аптеку ходил…
Но меня никогда-никогда не любил!
Тебе было удобно, что я рядом была.
Тебе было комфортно – что ждала я всегда!!!

Проверял на прочность, теша эго своё:
«Думал, сколько же сможешь? Вот и дура, же ты!»
Но игра затянулась – и кормила тебя,
Создавая блаженство от владения «я».
Но не знал ты ни боли, и ни радости той,
Что питали меня и тянули в свой рой.
Ты не знал, чем жила я, и вовсе кто я!
Даже чувства мои отвергал ты, крича.
Ты не знал, КАК люблю я, и КАК больно порой,
От того, что хочу я, – убегал как гепард,
«Посиди, ты подумай! Пока я – отойду!»
Может быть, поумнеешь, а я посмотрю!
Не любил ты меня – да и ладно!
Жаль, что я полюбила того… кто слово сказать не сумел…
Я вложила всю душу… Накормила собою,
И взрастила тебя. Чтобы стал ты другой!
Я была тренировкой. Для той самой, другой!
А себе – стала твердыней. Самой главной, родной!»

Леон был растерян. Он не сказал ни слова. Да и говорить уже было что-то неуместно. Он чётко понимал, что каждое слово было кристальной правдой – полной смелости, уважения и честности. Лилит встала, поцеловала Леона в щеку и со словами: «Мне пора. Благодарю», – вышла из кафе.

По дороге до дома её лицо было покрыто слезами. Это было финальное прозрение. Это была боль. Но при этом она наконец почувствовала, что она свободна! Свободна от старого фантома. От своих иллюзий! Она была свободна для своей новой жизни.

Глава 27. Коробка с истоками

Лилит четко поняла, что пора свою жизнь, и начинать надо с мелочей вокруг себя. Оглядывая квартиру, она увидела старую коробку, которая стояла в шкаф на нижней полке. В ней – мелочи и ерунда. Лилит взяла коробку и начла ее разбирать. Рассматривая каждый элемент. Там был дневник, фото, старые документы, листочки, камешки и какая-то странная на тот момент ерунда. Но каждая возвращала в воспоминания. Вот записка от мальчика из школы:

«***Жизнь – это путь, и он далек, ты главное дойти до точки, где есть отчет! Там будет больно, но иди, свою ты силу заметь!»***

Потом фотографии. Её детские лица. Старые фото: в растянутых штанах, полуголый брат в ванной, мама в поле с бабушкой. Уборка картошки всей семьей, в полном составе бабушек и родных. Все грязные, усталые, но счастливые.

Она вспомнила. Первую любовь, первую злость и ревность, первые падения на коньках. И папины слова, когда он сопровождал её на вечернюю прогулку в старый деревенский клуб: «За мою принцессу – ручаетесь головой!»

А как она любила кататься на лошади галопом, так что ветер свистел в волосах! И лазить по деревьям… Потом в коробке нашлось фото со свадьбы. Мельком пересмотрела. Увидела там совершенно чужую ей девушку, играющую по шаблону, стремящуюся жить по правилам. Всё как у всех.

И да – не было сожаления. Лишь тотальная благодарность. Но это было прошлое. Сердце щемило. От воспоминаний, где она была по-настоящему жива – на том дубе. Он был и дом, и игра, и лаборатория открытий. А потом она взяла в руки свои документы. Где была фамилия бывшего мужа. И четко поняла. Что пора. Пора вернуться к истокам. Она взяла лист бумаги, и слова пошли сами, как долгожданное признание:

Наш род и наша сила!
Они стоят за нас стеной!
Они сплошная мощь, дающая покой!
И к ней мы снова прибегаем.
Когда на сердце пустота,
Она всегда благословляет,
и не покинет нас она!
Мы не забудем никогда,
откуда мы и кто над нами,
И не исчезнем никогда,
лишь только максимум, что в теле!
За нами будет наши дети,
а дальше внуки и опять….
Мы носим это имя и помним память лет,
Но в суете всех тех событий,
мы забываем иногда!
И глупо думаем: «Какая разница, что в штампе, дела давно минувших лет.
Они давно же там спят в могиле,
и чем же этот путь!
Но род твой – твоя же сила!
Он крылья ветра за спиной…

Она дописала последнюю строчку и положила ручку. Всё было понятно. Завтра – в ЗАГС.

Наконец-то она решилась на то, что не могла принять девять лет. «Я верну свою девичью фамилию, фамилию отца, своего рода. Это решено». Решение было тихим и абсолютным, как щелчок замка. Дверь в прошлое закрылась. А та, что вела к корням, – распахнулась.

Глава 28. Сундук, который теперь всегда открыт

Прошло несколько месяцев. Жизнь менялась. Медленно, но заметно. Квартира пахла краской. Лилит сделала осознанный ремонт: сменила мебель, разделила детей по комнатам, выделила себе место для творчества.

Это был прорыв. Дети завели свои сундуки души. Вместе разбирали ситуации и делали выводы. Ссоры стали конструктивными. Микроклимат улучшился, он еще был совершенно далеко до идеала, но ощутимая разница была видна всем. Энергия Лилит, так же стала возвращаться, она чувствовала себе более живой, красивой и радостной.

Люди начали тянуться к ней, начали приходить клиенты. Приглашения проводить мастер классы и женские круги. Лилит, очень радовалась новым своим изменениям. Каждое мероприятие давало новых знакомых, новую уверенность. Сундук души больше не стоял в углу. Он был всегда под рукой. Но теперь это был не архив, а трансформатор. В него можно было положить трудный день, обиду, усталость – и, перебирая старые, уже не колющие стихи, понимать, как этот новый комок переплавится. Не сразу. Но обязательно. В опыт. А из опыта – в новый, ещё не существующий ключ, который однажды отопрёт дверь для кого-то другого.

Лилит не стала супер-коучем за месяц. Но стала собой. Цельной. Иногда уставшей, иногда сомневающейся – но собой. Это был конец. И начало. Одновременно. Всё стальное – дело времени и тех ключей, которые, Лилии как алхимик переправляла из самых теневых частей души.

Но это уже другая история, начало которой положено во второй части.

СЛОВА ОТ АВТОРА

«Боль, принятая с благодарностью, превращается в силу».
(Из книги)

Эта часть – не просто история. Это записанный путь одной души через боль, вопросы и прозрения к себе.

Часто мы не понимаем, зачем нам даны те или иные испытания, обижаемся на судьбу и входим в отчаяние, не видя целой картины. Мы живём в погоне за тем, что «берёт за душу», но имеет ядовитый осадок, потому что рождено не из души, а из страсти или порока. Мы боимся своих желаний – а важно понять, от кого они: от ума или от сердца.

Наше тело – лучший проводник. Игнорируя его, мы теряем дорогу к себе и рискуем остаться в болезни. Мы смотрим на родителей чужими глазами, чувствуем себя частью их отношений, но они – отдельные души, которые тоже учатся жить, любить и страдать.

В суете мы забываем о самом важном – о себе, о жизни вокруг, о природе. И часто замечаем ценность чего-то, только потеряв.

Я собрала в этой книге не только историю, но и ключи, которые помогли мне на этом пути. Практики, которые вы найдёте в завершающей главе, – это не просто упражнения. Это те самые инструменты, которые позволили мне:

• услышать тело (Ключ благодарности телу),

• разобрать хор внутренних голосов (Ключ теней),

• отпустить боль (Ключ проживания),

• собрать себя заново (Ключ сундука).

Каждый ключ родился из прожитого – из слёз, прозрений и тишины. Я предлагаю их вам не как теорию, а как проверенный маршрут.

Эта книга – мой личный путь к своей душе, выстраданный болью, страхами и любовью. Сегодня я точно знаю: я не изменила бы в нём ни одной строки.

А впереди – новая глава. Глава взрослой жизни, которая строится уже не из боли, а из цельности, свободы и тихого диалога с душой. И эти ключи – мои спутники. Возможно, они станут и вашими.

Спасибо, что прошёл этот путь вместе со мной.

ЛИЛИТ: КОДЫ ДУШИ часть 2

Я открыла сундук. Я вспомнила всё: сады и замки, встречи с проводниками, битвы с тенями. Мне казалось – я исцелилась. Но жизнь за дверями сундука оказалась сложнее. Она зашептала знаками, замелькала символами. Каждая встреча, каждая случайность несли в себе код. Я поняла: мало вспомнить себя. Нужно научиться читать мир. Расшифровывать то, что он говорит. Это был следующий уровень – уровень кодов. Маркер уровня: «следующий уровень – уровень кодов»

Пролог

Наша жизнь – это не только наши действия. Это в первую очередь наши мысли и наши чувства. Именно они, как спусковой крючок, провоцируют нас на те или иные поступки.

Вот ты едешь на море. Ты очень любишь шум волн, то, как заходишь в солёную воду, как солнце обжигает кожу. Но пока ты едешь, летишь, планируешь, – ты делаешь всё лишь с мыслью об этом состоянии. Ты вспоминаешь. Мечтаешь. Анализируешь, что купишь перед вылетом и зачем. До самой поездки на море тебя ждёт целая череда действий, с ним не связанных.

И вот ты в магазине, за тридцать минут до долгожданного отпуска, покупаешь продукты. Параллельно отвечаешь на рабочие сообщения, решаешь вопросы детей, общаешься с родителями и даже споришь с партнёром. И в этот момент твои действия – всего лишь автоматизм. То, что ты хочешь, можешь или просто должен делать. Но живёшь ты не в них.

Или ты убираешься. Держишь тряпку, водишь пылесосом, а в голове гудит от родительского собрания или ноет боль в колене. А может, в тебе плещется радость от вчерашней музыки или свидания. Но в этот момент ты моешь пол, а мысли твои – в другой реальности.

Вот и получается, что первостепенны они. Именно мысли и чувства!

И где же разница? Как понять, где мы живём, а где просто существуем? Что такое «Я есть»? Как объединить все эти составляющие в жизни? Как всё чаще возвращать себя в «здесь и сейчас» – к тряпке, к помидорам, к морю, когда ты уже в нём?

Но не станет ли тогда жизнь скучной? Не превратится ли она в рутину, в предсказуемый «день сурка»?

И в этом – главная иллюзия. Мы считаем, что мы такие же, как вчера. Мы думаем, что знаем этот запах хлорки от средства для полов и каждую трещинку на дороге, по которой идём. Мы доводим себя до автоматизма, до автопилота, уводим от своих чувств в витание в облаках, в болтовню, в просмотр фильмов и роликов. Делаем то, что вроде должны, или даже то, что вроде нравится. По привычке.

Мы так срослись с этим словом – «привычка», – что приняли его как данность.

Но каждую секунду ты меняешься. Меняется всё вокруг: люди, смыслы, вкусы, само время. Всё – если только начать смотреть на это глазами, будто видишь впервые. Без предубеждения «ой, я это знаю». А с настроем: «Я готов знакомиться дальше».

Даже снежинки в одной снежной туче имеют разную структуру. Как же можно говорить и считать, что всё останется неизменным?

Глава 1: СЦЕНАРИЙ

Вот они, наши амбиции?

О, да – та самая машина. Тот самый джип. Или, может, красный «Порше»? А может, сразу «ламба»?

– О да, хочу! Хотя… если честно, я даже не знаю, как она выглядит, – вслух сказала Лилит пустой комнате.

А вот он – домик у моря! Нет… не хочешь? А давай тогда «Москва-Сити», двадцатый этаж… и там шикарная трёшка, и всё в камне. Или в стекле?

– Ой, ну конечно, ты же любишь дерево! – ирония в её голосе была густой, как смола. – Наверное, я ещё просто не поняла, – тихо добавила она уже себе.

А тут – милый рядом. Как приятно он пахнет… А его ладони! Они такие сильные, когда он тебя обнимает.

Ну и куда же без этого: «Это тебе, дорогая, купи!»

А нет… он говорит: «Ты красивая! Самая!» Или «самая любимая». «Ты – моя!». Ой, ты ещё та штучка!

– И что же тебе это даёт? – резко повернулась она к своему отражению в тёмном окне. – Без этих слов ты совсем не чувствуешь себя красивой? Лично я всегда считала: если не говорят – значит, так не считают. Точка.

Она поправила кудри. В глазах стоял не вопрос, а вызов.

А может, твой друг говорит тебе: «Ну ты молоток!», когда ты подъезжаешь на новой тачке. И вот ты – красавчик.

Открываешь свой бизнес и теперь 24/7 думаешь, как бы обогнать Васю из пятого «Б»…

– Ой, да, мужчиной я, наверное, была бы крутым, – пронеслось у неё в голове беззвучно, но так ясно, будто кто-то другой это проговорил.

Ну а может, ты лежишь в своей спальне, а рядом мама готовит суп и зовёт обедать.

А в голове – «как меня все достали» и полное отсутствие сил от того, что ты живёшь с мамой.

Вот где ты?

Наверное, в корзине в «ВБ». Или стоишь, делаешь котлеты. Или на диване смотришь футбол и пьёшь пиво. Или судорожно переживаешь измену партнёра. О, да. Сколько нас. И каким может быть разный день! Но в чём он – разный? В чём он – одинаковый?

А теперь – история о том, как однажды можно остановиться. Посреди всех этих голосов, хотелок, «надо» и «ой, как приятно». И спросить: «А где здесь – я?» И начать искать ответ не в новой тачке, не в новой спальне и не в новых ладонях.

А в тишине. Которая становится громче всех этих голосов, вместе взятых.

Глава2. 30 декабря (Знаки на пороге)

«То, чему ты сопротивляешься, – остаётся».
– Карл Юнг
Стих: Роскошь изобилия – чёрная дыра
Роскошь изобилия – чёрная дыра!
Всё что не купил – мало, мало! Да!
Дайте мне побольше, шишек золотых,
Дайте мишуры! Дайте мне вина!
Дайте мандарины, ананас, хурму!
И конфеток сыну – плачет он с утра!
Сколько не потратишь – всё опять не то…
«Что не приносишь?!» Только мало всё!!
Деньги улетают – хлам растёт горой!
Это называют праздником порой!
Роскошь изобилия – чёрная дыра!
Заглушить обыденность надо на ура!
Надо бутерброды – хоть не ешь ты их!
Надо с огорода – это же для всех!
Надо же нарядно! Чтобы как у всех!
Только праздник в этом? Где? Когда? Кому?!
Можно же, я сяду, свечечку зажгу,
Лягу на диванчик – и накрою плед…
Вот он одуванчик, в солнце я взгляну!
Посмотрю я фильмы, чай себе налью!
Этим роем – я не побегу!

Было 30 декабря. Все вокруг бегали по магазинам, а отовсюду доносился один и тот же вопрос: «Ты готова к Новому году?!».

А у Лилит не было никакого новогоднего настроения.

Она прекрасно помнила Сад Веды и отчётливо осознавала свою трансформацию. И понимала: всё, что с ней происходило сейчас – это ещё один цикл, завершающий виток её метаморфозы. Понять – было одно. А вот начинать жить по новым принципам и законам, видя знаки и слыша шелест дубов, чувствуя запах роз, – надо было учиться.

И да, они уже шли – экзамены, которые непременно приносила ей Вселенная, чтобы наконец сбросить старую кожу Змеи.

А ведь это как раз и был Год Змеи. Год мудрости и обновления. Год трансформации и огромной работы над собой. Даже её холодные конечности, которые с ней разговаривали, напоминали: планеты – ближе, чем просто астрология. Всё это было красивым, но сложным узором, который она должна была распутать, не порвав нити. Лилит стояла перед зеркалом, и снова видела пятна на лице – очередной след трансформации. Очередная смерть старой части себя.

Звонок от подруги: – Пойдём на ёлку?

Лилит понимала: нет. Не сейчас.

Так же позвонил Леон – предложил заменить фильтр в машине. Все эти бытовые вопросы, которые надо было решать… Но не сейчас. Чётко ответила Лилит.

– А ёлка? – спросил внутренний голос, привыкший к ритуалам. – Она же ещё не стоит?

– Нет, – твёрдо сказала она себе.

– Не сегодня.

Все социальные рамки, ритуалы и бытовые потребности надо было удовлетворять, и они копились, как пыль под кроватью, на которую не хватало ни сил, ни времени. Ни – главное – желания.

Потому что под этой пылью лежало нечто важное: её новая кожа. Тонкая, сырая, уязвимая. Её нужно было беречь. Дать ей затвердеть на воздухе собственного выбора.

Даже если этот воздух был наполнен вопросами про оливье и гирлянды.

Лилит понимала: пойти по старому пути – это старая дорога и старый результат.

У зеркала она продолжала разглядывать свои пятна на лице, всматривалась в них… и сквозь их красноту она вдруг оказалась внутри розы. Той самой Розы в Саду Веды!

Но она была настолько мала, что буквально умещалась внутри лепестка. Всё вокруг было алым, бархатным, пахло мёдом и тайной. И вот она спустилась с розы и побежала к дому Веды. Ей не терпелось получить её тёплую поддержку, сказать: «Да, я всё поняла, но у меня не совсем получается!»

Пока она бежала, она увидела огромную стаю. Стаю страшных диких животных!

Но она была так мала, что они её не заметили. Шакалы с открытыми ртами прошли мимо, их глаза блестели голодным блеском, а запах страха и трусости висел в воздухе. Её сердце ушло в пятки.

Есть звери. А есть – шакалы.
Да, вроде хищник, но – не тот!
И так смешно глядеть с астрала
На их трусливый стаи слёт.
Они как «истинные» звери

Несут и грузность, и типаж,
И даже сласть: «Ой, да мы верим!»
И тут же – в спину! В тот же час!
Но это вам – не звери.
Там нет – ни доблести, ни чести,
Ни смелости, ни силы бытия.
А – падаль, что идёт по пяткам,
Чтоб поживиться на ура!
И да, они похожи!
И различишь их – не всегда.
Но только страхом они пахнут
И жаждой власти бытия!
И не для всех. Не в честном поле.
А для себя – урвать кусок!
Есть звери. А есть – шакалы.
И не один у них урок!
Исход быть может тоже разный!
А уж начинкой – вовсе прет!
Они не волки… и не другие звери!
Но как же много их…..
по их гнилой, пахучей вере!!

Стих пронёсся в памяти, каждая строчка – как удар.

Лилит побежала дальше к дому Веды. И Веда выбежала её встречать! Протянула ей руку, на которую Лилит влезла, и была так рада её видеть, стоя на её ладони.

– Веда, милая Веда! Что такое? Почему я такая маленькая?! Почему мне снова так страшно?! Я же думала, я уже прошла урок?!

– Дитя моё, милое дитя! Сейчас я налью тебе чай и расскажу всё по порядку.

Веда посадила Лилит на стол и достала для неё чашку её же размера. Как будто она знала, что такие маленькие гости к ней, тоже придут.

– Дорогая Лилит, ты маленькая, потому что твоя старая версия изжила себя, а новая – только в зачатке. Впереди новый слой. Новая реальность, новая площадка для осознаний и инсайтов!

Твой путь сложен и многогранен, и он не бывает, как в мечтах, – вверх и только вверх. Когда ты достигаешь своего потолка, он становится твоим новым полом. Жизнь не линейна. Она движется по спирали. И ты справишься. Тебе просто важно стоять на своих старых осознаниях и отстоять их.

– А шакалы? – дрожащим голосом спросила Лилит. – Кто они? И почему они здесь?

– А шакалы… – улыбнулась Веда. – Они есть даже в самом красивом саду. И стих, который ты сама прочла, увидев их, явно говорит о том, что они не опасны, а смешны. О том, что твой страх – это и есть они. Но ты, несмотря на свою маленькую физическую форму, намного сильнее их внутри.

Лилит вздрогнула от услышанного.

И поняла: да. Она всё делает верно.

Не сейчас.

Не сейчас – ёлку.

Не сейчас – фильтр.

Не сейчас – угождать.

Сейчас – быть маленькой. Быть новой. Быть в зачатке. И беречь этот росток от шакалов своего же страха.

Лилит вздохнула и потянулась к крану, чтобы умыться. Струйка воды, коснувшись её горящих щёк, внезапно показалась ей не просто водой, а живым серебром. Она зажмурилась, и на секунду перед внутренним взором возник образ: крошечная, с ноготь, но идеально сформированная роза, растущая прямо в чаше её ладоней из тонких струй. Она открыла глаза. Вода была просто водой. Но ощущение прохлады на коже осталось не физическим, а словно следом от прикосновения лепестка. «Принято», – прошептала она зеркалу. И впервые за день уголки её губ дрогнули не в гримасе усталости, а в намёке на улыбку.

Глава 3. Ева из леса (Расшифровка знаков)

«Встреча двух личностей подобна контакту двух химических веществ: если есть хоть малейшая реакция, изменяются оба».
– Карл Юнг

Знаки, знаки повсюду! Лилит, как калейдоскоп, перелистывала знаки последнего года:
– коричные цвета,
– обучение на ведущего «Ты есть стиль»,
– дело не в еде – про влияние веса и психотипа,
– желтое кольцо в виде сердца,
– коричневые ногти перед праздником,
– новый ЖК район Бондарево,
– рассказ знакомой о продаже сталинки с высокими потолками,
– быстрая сделка коллеги,
– беременность и роды подруг,
– потери у близких,
– конфликты с семьёй, братом, детьми, партнёром…
– потеря сил, больница, целлюлит и набор веса,
– успехи коллег, вышедших в поток,
– своё ясновидение на мастер-классах,
– уход в себя, темнота в квартире…

Всё это казалось несвязанными элементами. Даже абсурдом. О чём они? Крутились, не складываясь в узор.

Она уже чётко осознавала: теперь каждая её мысль проявляется в жизни. Каждое «я что-то устала» она тут же меняла на «я достойна отдыха».

Но вопросы оставались. Лилит была в суете декабря, в самом эпицентре реалий. И каждый человек тем или иным действием активизировал эти элементы калейдоскопа.

Лилит понимала: ответы – внутри. Но быстро распаковывать их без вопросов она ещё только училась.

И тут – дикая ярость. Поднялась в ней, будто из-под земли луч, который полностью парализовал её.

Стиснув зубы – сижу в тишине.
И накрыла священная ярость.
То ли плакать, а ль выть! Не понятно – что ж мне?
Изнутри рвётся зверь —
Не на волю – наружу,
Сквозь шкуру свою, пробивая ту плоть!
Он не хочет кричать – реветь он лишь может
Без причины и власти. За отвагой и страстью!
Без оглядки лететь!
Как личину снимать и все кости ломать,
По шагам неприметным на нюх выбирать!
Боль сосуды все рвёт,
Все граниты внутри.
Отчего же так тяжко и тошно – смотри?!
Зверь молчит – просто скалит он зубы,
Шкуру сдирая с живого меня!

Тело трещит, а в душе – снова страх.
«Может, повезёт, повезёт в этот раз?»
Страшно, сука. Как страшно одной!
Но никто не придёт на мой волчий вой.
Никто не ответит той тишиной.
Только эхо вернётся!
Дикое. Раненое. Новое. И – моё.
Которое, сбросив последнюю кожу,
На рассвете войдёт в свой священный покой.

И вот Лилит оказалась рядом с тем самым Болотом Памяти – но теперь оно было светлым и глубоким, томным, с нотками звёздной пыли. А на небе – огромная красная луна.

Лилит стояла в чёрном платье, с длинными кудрявыми волосами цвета ночи. И вдруг – вой, рёв. Неспешно, она обошла несколько деревьев и спряталась за большим дубом – тем самым, что давал ей сил. И вот оно – зрелище. Лунные лучи спускались на огромного зверя. Это был гигантский волк. Он крутился, выл и рвал на себе клочья своей же плоти.

Это было страшно и чарующе одновременно. В этой картине не было ужаса – только магия перерождения. Волк менялся, формировался. Его плоть превращалась в тёмный дым и оседала на болоте, которое теперь выглядело как чистое озеро, создавая тёмные круги. Лилит, заворожённая, вышла из-за дуба ближе. И из волка всё явнее формировалась женская фигура. Красивая, статная, стройная, сильная и полная сил.

– О боже… это же оборотень? – прошептала Лилит. – Только почему процесс не наоборот? – Да, – громко сказала женщина, – я оборотень. Меня зовут Ева. А ты зачем пришла? Заблудилась?

– Немного, – тихо ответила Лилит. – Я думала, познав свет и бога, мне будет легко. Что смогу идти своим путём – чётко, без сомнений. Но почему-то я сталкиваюсь с выбором, который вызывает во мне ярость! И не могу найти ответы на все свои знаки!

Ева, сбросив с рук последние волоски волчьей шерсти, смотрела на луну:

– Да, Лилит. Иногда самый главный и преданный путь к свету – пройти через тьму.

Все твои знаки… если хочешь, я помогу тебе их разобрать.

– Да! Очень хочу!

– Тогда смотри», – сказала Ева и провела ладонью над поверхностью болота, которое теперь было чистым озером. Вода замерцала, и в ней, как на экране из тумана и лунного света, начали проявляться образы.

1. Твоё кольцо – янтарное сердце – это твой свет… В воде вспыхнул мягкий, медовый свет, принявший форму бьющегося сердца.

2. Коричный цвет – связь с родом… По воде поплыли, словно осенние листья, оттенки корицы, ржавчины и старого золота.

3. Тёмная встреча у болота… Тьма под луной сгустилась, но внутри неё зарделся уголёк – тлеющий, но не гаснущий.

Лилит смотрела, заворожённая. Это был не просто перечень. Это была карта её души, нарисованная самой ночью.

4. Потери у твоих подруг – жизнь со светом внутри – не вечный праздник. Ты всё равно будешь встречаться с потерями. Вопрос – в твоей реакции, в понимании высшего узора.

5. Рождение детей у подруг – прямая проекция рождения тебя новой.

6. ЖК Бондарево, переезды – прямое движение к своему новому гнезду.

7. Потеря сил, здоровья, свежести и набор веса – напоминание: всё не идеально. Нет ничего твоего – всё божественно. Ты можешь всё потерять, чтобы понять: держать можно только то, что отпускаешь.

8. Конфликты – прямое доказательство: конфликты – естественный элемент жизни. И настоящее перерождение часто начинается с них.

Ты вибрируешь в диссонансе их частоты. Они – часть старой системы, и она обязательно захочет вернуть тебя обратно, даже не понимая этого. И здесь – твой выход: как поступишь? Как другая? Или как новая ты?

Лилит смотрела на воду, где ещё догорали отблески её знаков: янтарное сердце, листья корицы, тлеющий уголёк во тьме. Всё было ясно. Слишком ясно. Это знание давило на виски изнутри, ища выхода. «Теперь ты видишь узор?» голос Евы прозвучал не снаружи, а откуда-то из её собственной грудной клетки. Лилит кивнула, не в силах вымолвить слово. В горле стоял не ком, а целая галактика – тёмная, звёздная, рвущаяся на свет. Она закрыла глаза, и мир не потемнел. Внутри вспыхнуло.

Её губы дрогнули сами по себе. Воздух из лёгких вышел не выдохом, а первой строкой. Голос прозвучал хрипло, неузнаваемо – голосом болота, голосом луны, голосом той самой тьмы, что она так боялась в чужих глазах.

Я видела там, так много души,
В тех.. самых недрах печали…
И всем говорила: «Ох, да не знаешь же ты!!!
Так такое начало!!!
И Мне казалось, я знаю тебя,
Прям Чувствую кожей!

Я видела все, те глубины в глазах,
Тонула в их свете, о боже…
Но нет, там ни капли добра и любви!!
Там все, что казалось – обман!
Сплошная пучина, темницы,
Там мгла!! Горящий в аду океан!
Там поле не пахано, ты не ходи —
Увязнешь насквозь, и простынешь!
Там мерзости, страха и боли плацдарм,
А не души, светлейшей обитель!
Ты был моим зеркалом! В зеркальной оправе!
Что все то, что видела я!! Всего лишь моя,
Моя глубина!
В тебе того нет, а может и славно!
Но главное то… Что увидела я…
Моя лишь моя, она глубина!
А ты оставайся!!!!
С тем ветром пустыни, пустыни своей холостой!
И пусть светит солнце,
Сжигает до тла…
В той глупой и мерзкой тюрьме торжества!
Моя лишь дорога, однако ко свету!

Последняя строчка – «Моя лишь дорога, однако ко свету!» – сорвалась с её губ уже шёпотом, но отозвалась в ночном воздухе чистым, серебряным звоном.

На поверхности озера, в том самом месте, где только что был образ «тёмной встречи», распустился и тут же растаял один-единственный цветок. Алая роза. Не отражение. Не знак. Просто факт. Больше не на кого смотреть. Некого винить.

Не в ком тонуть. Только в себя.

Спасибо, что мне ты ее показал!
И здесь разошлись мы уже без ответа!
У каждого впредь, свой терминал!!
И поиск ответа, что каждый искал!

И в этой тишине после стиха родилось её новое, незыблемое знание: всё, что она искала снаружи – глубину, страсть, боль, свет – оно всегда было дома. В её собственной, неприкосновенной бездне.

Лилит смотрела на прекрасную Еву. От неё исходили и ярость, и сила, и страсть – подобные тем, что она искала в Замок Эго, но настоящие, живые. Присмотревшись, Лилит вскрикнула: – Как так?! Ты же копия меня?! Это что же… я оборотень?!

Ева рассмеялась: – Наконец-то! Да, дорогая. Я – это ты. Просто очень давно. Но ты – это всегда ты. Вне времени, места, века. Это – ты. И это главное, зачем ты сюда сегодня пришла.

Лилит очнулась в очереди. Кто-то бил её по щеке. – Девушка, с вами всё хорошо?!

– Да… всё хорошо. Просто душно…

Она выбежала из магазина, забыв на кассе только что купленные мандарины. Очнувшись в машине, она первым делом потянулась к телефону.

Два сообщения: от Люка («Ма, купи чипсов») и от Лучии («Спокойной ночи, мам»). Обыденность. Земля под ногами. Она улыбнулась и завела мотор.

Глава4. Четыре лучика (альбомная глава)

«Дружба – это любовь без крыльев».
– Джордж Гордон Байрон

Лилит сидела на полу, прислонившись к дивану. Вокруг неё лежали раскрытые коробки – не от переезда, а от внутреннего переселения. Она разбирала не вещи, а слои времени.

В руках у неё был старый альбом с потрёпанным клеёнчатым переплётом. Она открыла его наугад – и время сжалось в точку, потом распахнулось на два десятилетия вширь.

На странице, пожелтевшей от лет и света, были они. Четыре. Улыбчивые, с размытыми глазами, обнявшиеся на каком-то давнем празднике.

Фотография была чуть надорвана с краю – будто кто-то хотел вырвать себя из кадра, но передумал.

Лилит провела пальцем по глянцевой поверхности. И тут из глубин памяти, сквозь шум сегодняшних мыслей, поднялись слова – ровные, готовые, будто написанные кем-то другим, но её же почерком. Она взяла блокнот, лежавший рядом, и стала записывать – не думая, просто давая строкам выйти:

Четыре лучика в одной обложке,
Четыре девушки простой судьбы!
Четыре встретились однажды
Сквозь двадцать лет воды.

Она оторвалась от листа, посмотрела на фото. Да, вода. Река времени, в которой они то всплывали, то тонули, то плыли рядом, то расходились в разные берега.

Их было много или мало,
Они были близки и нет,
Они дружили, пропадали —
Но находили в себе свет!

Пропадали – да. На месяцы, на годы. В работе, в отношениях, в поисках, в открытиях. А потом возвращались – не с оправданиями, а с тихим: «Привет. Я тут». И этого было достаточно.

Она стала вглядываться в каждое лицо, и строчки продолжали литься, будто фотография сама диктовала:

Лилит – темноволосая, шальная,
со страстью в жизни и душе!

Она улыбнулась. «Шальная» – хорошее слово. Тогда она ещё не знала, что эта страсть сожжёт её дотла, чтобы потом возродить из пепла.

Рыжеволосая Марго – пришедший скептик к свету. Логичным правильным путем.
С богатым опытом и жизнью,
Свершением и счастьем здесь, во всем!

Марго. Самая близкая. Генеральный директор своей жизни – стабильная, прочная, уверенная в своём выборе. Она строила карьеру и отношения с той же ясностью, с какой планировала путешествия – без лишних драм, но с глубоким чувством ответственности. Они могли говорить часами, потом их пути разошлись на время, когда Лилит переживала развод – казалось, их миры говорят на разных языках. А потом снова сошлись на проекте детокса – Марго тогда скептически улыбалась, не вполне понимая этой «страсти внутри», но через год сама увлеклась нумерологией. И прислала сообщение: «Кажется, я начинаю чувствовать, о чём ты».

Лилу – малышка, милая малышка,
С улыбкой ангела во тьме,
Правдивая, живая и простая,
Но сильная в рутинной тьме!

Лилу. Самая солнечная, с ангельской улыбкой, которая в юности могла рассмешить до слёз. Потом – своя история: замужество, двое детей, быт, который стал её вселенной. Успехи и открытия детей стали её радостями, их трудности – её уроками. Новая работа, на которую она вставала в шесть утра, чтобы успеть отвезти младшего в сад. Она не гналась за высокими смыслами – её смысл был в здесь и сейчас: в супе на плите, в первом стихе ребёнка, в тёплом смехе за общим столом. Её сила была не в рывках, а в ежедневной верности. В умении находить свет в рутинной тьме и делать из быта – искусство жизни.

Адель – блондинка, Аль русалка,
Прекрасная луна,
Порой сурова и опасна,
Порой как деточка мила!

Адель. Самая глубокая. Отличница от природы – два красных диплома, ум острый и ясный. Она всегда выбирала свободу – не от людей, а для себя. Её мир был наполнен книгами, кошками, тишиной и глубиной размышлений, которую не каждый мог выдержать. Они общались реже всех – за тридцать лет встреч набралось немного, но каждая была настоящей, без масок. Потом – тихий, но уверенный поворот: смена работы, покупка своего дома. И то самое, берущее за душу сообщение: «Давайте встретимся. Мне важно вас видеть».

Лилит отложила блокнот. Взгляд снова упал на фото. Спустя все двадцать лет.

Они и правда почти не изменились. Только в глазах – да, этот седой пробел и грусти след. Не от потерь – от прожитого, от глубины, которая приходит только с годами.

Но явно повзрослели все —
И стали рядом по- другому.
В той тишине нашли ответ
И свой покой на сердце новом.

Она закрыла альбом. Нежно, как закрывают книгу, которую прочитали до конца, но оставляют на полке – чтобы можно было вернуться.

Тишина в комнате была теперь не пустой. Она была наполнена присутствием. Присутствием тех четырёх лучей, которые, даже расходясь, продолжали светить друг другу из разных углов жизни.

Лилит встала, подошла к окну. На улице смеркалось. Где-то там, в других квартирах, других городах, сидели сейчас Марго, Лилу, Адель. Может, тоже листали альбомы. Может, просто пили чай. Может, смотрели в окно, думая о чём-то своём.

Она положила руку на стекло – холодное, твёрдое, реальное.

И вдруг поняла: дружба – это не когда ты всегда рядом. Это когда ты всегда – луч. Даже если светишь издалека. Даже если твой свет иногда гаснет. Главное – знать, что где-то там ещё три луча. И вместе вы всё ещё – одно целое.

Сквозь двадцать лет воды.

В этот момент на столе тихо завибрировал телефон. Лилит взглянула на экран. Марго. Сообщение без слов: фотография заката за окном её офиса, того самого, «логичного и правильного» пути. А на стекле, отражающем розовое небо, чьей-то рукой было нарисовано сердце. Подпись: «Смотрела на небо. Вспомнила тебя. Твой скептик».

Лилит рассмеялась. Просто так. От щемящей теплоты, которая растаяла комок одиночества в горле. Она послала в ответ фото своей руки на холодном стекле. И поняла, что дружба – это и есть этот молчаливый чат сквозь время и пространство: я тут, я вижу твой свет, и мой – тоже с тобой.

Глава 5. Любовь, которая остаётся

«Любить – это не значит смотреть друг на друга, а значит смотреть в одном направлении».
– Антуан де Сент-Экзюпери

«Скучаю», – тихо прошептала Лилит.

И да, это было по Леону. Особенно в канун Нового года. Он всегда приходил на НГ. А как будет теперь? А теперь – никак.

Лилит напомнила себе: все двери закрыты, слова сказаны, впереди – новые смыслы. И даже если он придёт – это будут уже другие «мы».

Но ничто не происходит по велению волшебной палочки.

Всплывали тёплые моменты: и вот Лилит оказывается в тёплом уютном доме, вокруг – лес и первозданная природа. Прекрасный вечер, вино, стейк с овощами. И его смешное: «Почемучка ты моя», и тихое: «Я тебя люблю».

А следом – «Ты же родишь мне сына?».

А смешнее всего для Лилит были его фантазии об их старости: какими стариками они станут – он ворчащий дед, а она заботливая старушка для всей их семьи.

«И ты всегда останешься самой родной для меня».

Эта фраза уже не была мыслью. Она была огромной молнией – такой громкой, отчётливой, гремящей и осветляющей всё вокруг.

Да, это была правда. Мы помним не только болевые моменты, но и приятные. И тяжелее всего отпускать именно их.

Но Лилит теперь училась любить молча. Любить всем сердцем человека, которого отпустила в свою жизнь.

И здесь она поняла: любовь не начинается с «мы вместе» и не заканчивается, когда вы отдельно. Она может жить. Жить в самом сокровенном уголке сердца, в твоей голове, в твоих снах, в твоём теле. Она останется там навсегда.

Она знала: они пришли сюда не случайно. И обязательно встретятся, когда будут готовы. Возможно, в новой роли. Даже в другой жизни. Мы все связаны нитями и путешествуем из сюжета в сюжет.

Лилит улыбнулась и сказала: «Я так рада, что ты был в моей жизни. А что будет дальше – это я отдаю на волю Бога».

Тем самым Лилит чётко понимала: их старая глава закончена. Она была невероятно красива и жива. Любовь невозможно убить, если она есть.

А новая?.. Да, Бог знает. Иногда это не подвластно человеку.

Но любовь к себе здесь и сейчас – важнее всего. А наше будущее – в руках Бога. И тогда, в этой тишине после слов, в пространстве между прошлым и будущим, из самой глубины её существа поднялись строчки – тихие, ясные, как отголосок того, что только что было прожито и понято:

Любое касание и шум тишины —
Ты здесь, со мною, ты рядом!
Пришёл ты со мной из той самой страны,
Учить меня новому пламени.
Пришёл ты на время… а свидимся ль вновь?
Ответа тут нет! Но он же и сквозь —
Сквозь жизни и разумы наши,

Сквозь воды ушедших событий внутри!
Сквозь всех расстояний дней наших вдали
Найдёшь ты однажды меня ты в дали!
Но здесь мы ставим пробел,
На поиск внутри, ответа с рассветом!
Исцелением ветра идём мы в пути —
Все к свету и ответу, рассвету,
Написанным нам на пути!
Мы – части огромной вершины,
Вершины Вселенной одной.
Но мы же с тобой – не машины,
Чтобы ехать дорогой одной!
Мы – явно здесь элементы,
Несущие важную роль.
И только любовью и светом.
Найдём мы тот самый паро*ль*.

Стих отзвучал. Лилит сидела неподвижно, и в комнате, казалось, всё ещё вибрировали последние строки. Не как боль. Не как тоска. Как тихая уверенность. Как знак, что любовь – это не история с началом и концом. Это язык, на котором души говорят через время, расстояния и даже расставания. И этот язык не забывается.

Он просто ждёт своего часа – чтобы снова стать молитвой, благодарностью или тем самым паролем, который откроет дверь в новую встречу. Или не откроет. Но это уже не будет важно. Важно, что он есть.

Она закрыла глаза. Внутри было светло и пусто – как в комнате после долгожданной уборки, когда весь хлам выброшен, а на полках осталось только самое ценное. И среди этого ценного – он. Леон. Не как боль, не как надежда. Как благодарность. Как часть её истории, которая навсегда останется с ней – не как груз, а как свет в сундуке души.

И этого было достаточно. Больше чем достаточно.

Глава 6. Битва за два часа

«Свобода – это воля быть ответственным за себя».
– Фридрих Ницше

На утро Лилит проснулась поздно. Вместо привычной ходьбы с наушниками в ушах, она задала себе вопрос: «А хочу ли я реально сейчас пойти? Есть ли у меня ресурс?»

И ответ был громкий, но невидимый: «Нет. Не хочу. Хочу просто лежать и смотреть хорошее кино. И это сегодня важнее всего». Лилит всё больше прислушивалась к своему телу. И пока все бежали достигать, она решила, что её путь – это не остановка, а полное погружение в себя. Сойти с лестницы вверх, которая никогда не кончается и похожа на бег по эскалатору, несущемуся вниз.

В этом понимании она выбирала себя. Своё тихое, но уже сильно чувствующее «Я». То «Я», которое находилось на стадии инкубации. Как гусеница в коконе, где гусеницы уже нет, а бабочка ещё не сформировалась.

Эти мысли ещё немного беспокоили. Учитывая то, что она никогда не умела отдыхать и, имея три высших образования, так и не достигла тех высот, которых хотела. А со стороны звучало: «Зачем ты вообще столько учишься?», «Ты когда-нибудь отдыхаешь?», «Сколько ты вложила денег и времени… Где же успешный успех?!»

За окном люди бежали за ёлками и подарками.

И тут – звонок от подруги с трагической новостью: «У мамы инсульт». Полное сопереживание.

Погружение в проблему. Поддерживающий диалог и искреннее желание помочь.

Но подруга, несмотря на своё горе, сказала: «Лилит, помни о своём состоянии. Береги себя».

Лилит поразила молния осознания. Ничто не вечно под луной. Нет ничего важнее нашего здоровья и нашего «Я»!

И это была последняя, буквальная подсказка. Сегодня Лилит имеет полное право только на себя. Без развлечений и бесполезной мишуры, без суеты бегающих за подарками людей, без подготовки за неделю к салату оливье. И вот Лилит, с полным разрешением себе «отдохнуть», включает фильм «Облачный атлас». Попивая теплый чай и наслаждаясь вкусными апельсинами, она погружается в невероятную историю.

Я есть, я здесь…

СМС от мамы: «Я сейчас приду, испечем пирог».

Ярость прошла по жилам. Тело вспотело, конечности похолодели. И нет, Лилит обожала свою мать, но сейчас – сейчас она не хотела пирог.

Она хотела простого, тихого, двухчасового пространства для себя!

Она схватилась за голову и спросила:

«Неужели я так многого хочу?!»

Ответ пришёл из фильма, который уже шёл фоном: «Мы не хозяева собственной жизни. От рождения до смерти мы связаны с другими, прошлым и настоящим. И каждый наш проступок, как и каждое доброе дело, рождает наше будущее…» Выдохнув, она отписалась по факту.

И сказала себе: «Никто не испортит мне день».

Как только ты решаешь, что идешь своей дорогой, система молниеносно начинает проверять. Шаг за шагом. Экзамены сыплются, чтобы проверить твоё намерение. И Лилит ощущала это на себе.

Включив «плей» на пульте телевизора, она погрузилась в мир фантазий. Пять минут мира…

…И вдруг её взгляд упал на подоконник. На стекле, снаружи, где был лютый декабрьский холод, сидела синичка. Не просто сидела – она смотрела прямо на Лилит. Маленькая, пушистая от холода, с капелькой инея на клюве. И держала в клюве… ярко-красную ягоду рябины, будто крошечный новогодний шар. Они смотрели друг на друга несколько секунд. Птица словно кивнула, отпустила ягоду (та покатилась по подоконнику) и улетела.

Лилит замерла. Потом тихо рассмеялась. «Спасибо, – прошептала она в пустую комнату. – Принято». Эта абсурдная, невозможная ягода декабря стала для неё большей наградой, чем любая похвала. Она была знаком: мир видит её битву и шлёт ей свою дикую, нелогичную красоту.

«Мама, мы вернулись!» Это были её лучики света – Люк и Лучия. Этот возглас был как луч света, но сейчас он резал по живому. Её два часа – это не предательство. Это условие выживания. Для неё. И для них тоже – чтобы мама была целой, а не разорванной. Но даже тошнота подступила к горлу, и вырвалось: «Ну, ёпрст!» Это было испытание. Проверка после выбора себя. Насколько Лилит его пройдёт? И кто-то сказал бы: «Какая же это проверка? Проверка – это потеря близких, катастрофа, разводы и смерти!»

Но всё это Лилит было так же знакомо. Порой пережить большую трагедию больнее, но проще, чем делать маленькие шаги для новой, непривычной жизни.

И всё, как в «Облачном атласе», складывалось в нити бытия, проверяя, как далеко она зашла в своём выборе.

Услышав фразу из фильма – «В каждой повторяющейся встрече – потенциально предложение другого направления» – Лилит сделала глубокий вдох и выдох. Вернула себя в состояние **«Я ЕСТЬ». Выдохнула.**

Встретила детей. Отправила рабочее СМС. Коротко сказала: «Ко мне два часа не заходить».

И… продолжила смотреть.

Для многих это было бы естественно.

Но для Лилит это был прорыв. Окончательное подтверждение выбора Себя.

Глава 7. Я есть!

«Я – не то, что со мной случилось, я – то, кем я решил стать». – Карл Юнг

На улице было холодно и сыро. Ещё вчера шёл снег, а сегодня – промозглая, цепкая мгла. Лилит гуляла одна, как делала это всегда. Иногда это была дисциплина. Иногда – побег. Иногда – единственный способ не сойти с ума от мыслемешалки.

И тут в голове всплыла чужая фраза, резкая и ясная: «Свобода – главная ценность нашей жизни». Она пронзила её не как откровение, а как суть, в которую наконец-то поверили. Тело отозвалось теплом в конечностях, сердце защемило – не от восторга, а от узнавания.

Следом в голове появились слова матери: «А для меня счастье – это спокойствие».

Два утверждения. Два разных языка. Но Лилит вдруг почувствовала кожей, что для неё это – об одном. Не радость, не восторг. Тишина внутри. Тишина, в которой нет паники. Вот оно, то самое спокойствие. Та самая свобода!

Да, Свобода – это и есть эта тишина! Не мёртвая, а живая! Спокойная, но реальная!

Когда твои демоны не кричат, а как стая волков – у каждого своё имя, дикие хищники, но теперь ты вожак стаи, и они тебе не опасны. Они служат на благо стаи, то есть – тебе. А в случае потребности каждый из них будет биться насмерть, проявляя все свои сильные стороны.

Когда голоса Замка Эго превратились в знакомое, уже не трогающее радио, которое можно выключить и не реагировать на избитые паттерны повелений родных или знакомых.

Когда Болото Памяти – это не трясина, а просто архив. Иногда действительно страшный, но – архив, причём с обязательным положительным итогом в конце. И ты знаешь, что всё есть, но всё на своих местах и в своих папках. Всё подчинено не системе контроля, а системе душевного и духовного позыва.

Эти мысли не делали её святой или неуязвимой. Она всё так же могла наступить на грабли старой боли. Она всё так же иногда не могла найти общий язык со своими детьми, и множество других реальных событий вышибало её из того Сада Веды. Но теперь у неё было значение, которое спустилось на уровень понимания. А вот реальность ещё приходилось менять!

Она по своей природе искала ответы – и каждый вопрос разделывала по слоям, продолжая спрашивать себя: «Что же такое свобода?»

И в голове возникали ассоциации:

· Свобода лежачего больного, который заново учится ходить – через боль и падения.

· Свобода заключённого, вышедшего на волю и не знающего, куда идти.

· Свобода того, кто разорвал узы брака-тюрьмы и теперь боится одиночества.

· Свобода зависимого, который не пьёт сегодня, но завтра – не гарантия.

· Свобода того, кто уволился с ненавистной работы и теперь в панике ищет деньги.

И тут из самой глубины, из того места, где рождались её старые стихи, поднялись строчки – точные, как диагноз, и горькие, как лекарство:

Когда ты теряешь телесную форму
И всё, что считал идеалом – ты впредь,
Приходит сознанье, что голый и нищий.
И что же теперь…? Во веки хотеть?
Всё, что строил – сломалось тотчас.
Сломалась иллюзия блага,
Сломалась картинка удачного дня,
Сломалась надежда на лучшее «Я».

Сломалась, сломалась – немножечко я!
Как будто всё старое вдруг умирает,
А новое всё ещё вдалеке…
И ты на распутье стоишь, ты босая,
И плачешь в той самой любовной тоске!
По Любви к своей жизни и всем тем мечтам,
Любви к тому телу, что был нам храм!
И кажется – всё. Это конец!
Что всё отрезан – тот самый обрез!
Но это начало без масок и лжи,
И это начало той новой вдали…
Всё старое, в тлен превращаясь,
Рождает прекрасный узор!
В который ты, вновь возвращаясь, —
Вспоминаешь, что вот он – твой новый ковёр.
Той жизни прекрасной, реальной – твоей!
Что всё здесь – зачем- то.
И в это – поверь!!!!!

Это не была свобода-праздник. Это была свобода-ответственность. Свобода-работа. Освободиться от цепей – лишь первый шаг. Теперь надо научиться жить без них. А как? «Эта свобода – отсутствие клетки. И главная из них начинается в голове».

Она шла по холодному городу, и это знание не грело, как костёр.

Оно лежало внутри, как что-то непоколебимое и живое, но ждущее своего полного роста и рассвета.

Как та Роза в саду Веды.

Лилит понимала: её путь не закончен, а началась новая глава.

Теперь она вышла на открытое, пустое поле. Небо низкое, ветер пронизывающий, дороги не видно. Но она стояла на своих ногах. И это поле было её. Этого света внутри пока что было достаточно, чтобы идти! Тем более, что вся наша жизнь – это путь. А каждый шаг – движение к нашему будущему.

На этих мыслях закончилась прогулка. Увидев магазин с цветами, она зашла и купила себе одну – большую и самую красивую, ярко-алую Розу.

Придя домой, Лилит налила вкусный чай, включила кино и уютно устроилась в тёплый плед. Просто быть здесь.

«Я есть…» – тихо проговорила она. «Теперь можно никуда не бежать и ничего не делать. Только моё тело в свободной шёлковой пижаме, мягкий плед, вкусный чай, кино – и Роза».

Глава 8. Дом, который видит

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

– Фридрих Ницше

Я памяти своей открою дверь!
Она расскажет мне все тайны,
Что там хранила под запретом,
Как ключ от боли бытия.
Под страхом, властью и кинжалом
Запертые… как будто навсегда!

Но мы с ним станем одним целым.
Они – в моём же ДНК,
Моя же кровь и плоть моя….
В них сила… Вся моя!!
Я их когда то точно вспомню,
И вспомню явно – без прикрас.
Увидев и запомнив, не упаду, я в этот раз!

А встану – и это мой наказ!
Они мне будут силой, стражей,
Защитой воина в пути.
Они покажут мне все тайны
И смыслы новые вдали.
И станут мне Твердыней роста
На этом красочном пути!
А вместо плена – ночная Роза,
Чтоб счастье с силой обрести!

С последним словом стиха, будто по его приказу, самолёт коснулся полосы в Горно-Алтайске. Воздух, ударивший в лицо при выходе, пах не самолётом и не городом. Он пах пряностью полыни и ледяной чистотой Катуни.

Первый вдох. Лилит закрыла глаза. Это был запах не места, а возвращения. Она приехала не покупать дом. Она приехала выбрать место, где дом согласится быть построенным. Где земля под ногами скажет: «Да, тут».

Агент показывал варианты: бревенчатые, под ключ, с видом на горы. Она молча кивала. Искала не стены, а отклик. И он пришёл не от нового сруба, а от старого, покосившегося дома на окраине деревни.

Она остановилась как вкопанная. Дом прадеда. Тот самый силуэт, тот же скрипучий балкон. Тот страх, от которого кровь леденела. Девочка внутри неё замерла, ожидая, что вот-вот в окне мелькнёт тень, а в дверь застучит костяной кулак.

Лилит сделала шаг. Не прочь. К нему.

«Нет, – прошептала она уже не девочка, а женщина. – Ты – не призрак. Ты – просто старый дом. А та сцена…» Она позволила памяти пронестись: гроб, крики, больной старик в окне. Но теперь она видела не мистику, а человеческую драму, доведённую до абсурда отча-

янием, болью и потерей. Она увидела не монстра, а больного, испуганного старика, который тоже не знал, как жить с этой смертью. Лёд в крови растаял, уступив место тихой, горькой жалости.

Следующий дом пах. Сначала она даже вздрогнула – нос, десятилетия притворявшийся глухим, снова ожил. Запах старости, пыльных ковров, тмина и чего-то кислого. Дом маминой подруги. Место, где когда-то её чувствительность, не выдержав натиска мира, поставила на себе крест: «Не чувствуй, чтобы не сойти с ума».

Лилит глубоко вдохнула. Вопреки. Вопреки запрету. Вопреки страху.

И запах раскрылся. Он не был «странным» или «страшным». Он был… подробным. В нём была история буфета, варенья, немытой собаки и сушёных трав, и человеческой плоти. Он был просто запахом чужой, прожитой жизни, которую её детский нос счёл очень невкусным и сильным.

Она вышла на улицу, и странное чувство наполнило её. Эти места – дома-призраки, дома-запреты – вдруг нависли над ней не кошмаром, а доброй, пусть и трудной, памятью о детстве. Они больше не преследовали. Они оставались на своих местах, как старые, потрёпанные игрушки, которые когда-то были важны, которые когда-то были частью её простых детских будней. С радостью от пирогов маминой подруги, с теплыми блинами бабушки и докторской колбасой, которую прадед хранил в соседней комнате ото всех.

«Но мы с ним станем одним целым…» – пронеслось в голове строчкой её же стиха.

Так оно и было. Эти дома, эти запахи, этот ужас и эта чувствительность и все детские милые моменты – они были в её ДНК. Её кровь. Её плоть. И в них, она теперь понимала, была не только рана, но и сила. Вся её сила. Сила того, кто выжил, чтобы увидеть. Кто запомнил, чтобы однажды понять.

«А встану – и это мой наказ!»

Она обернулась, окинув взглядом и старый дом прадеда, и ту деревню. Она не упала в пропасть прошлого. Она стояла. На своей земле. Со своим наказом самой себе.

Эти призраки стали не пленом, а стражей. Не они охраняли её, а она их приняла в свою свиту, превратив из демонов в хранителей порога, в тех волков-защитников. Теперь они будут силой и защитой воина на её новом пути. Они показали ей все свои тайны, и теперь она видела новые смыслы вдали – не в бегстве от них, а в строительстве здесь, на этой очищенной от страха земле.

Твердыня роста начиналась не с фундамента из бетона, а с этого тихого примирения. Агент, видя её задумчивость у очередного пустого участка, спросил: «Ну что, может, этот? Вид хороший».

Лилит посмотрела на поляну, окаймлённую кедрами. Здесь не было страшных домов. Но она чувствовала их тихое, благословляющее присутствие где-то за спиной, как весь род стоял и благословлял её с улыбкой на лице.

«Да, – сказала она, и её голос прозвучал твёрдо. – Этот. Здесь будет дом».

Она не знала тогда, что это будет за дом. Но она знала, что он будет построен не на страхе забыть прошлое, а на силе, что пришла из его самых тёмных углов. И что вместо плена детских кошмаров в этом доме расцветёт ночная Роза – тот самый сокровенный, алый цветок её души.

Она нашла не место для дома. Она нашла место для себя. Той, что наконец-то вспомнила всё. И встала.

Глава 9. Сталинка

«Судьба души – это путь человека к самому себе. Это путь индивидуации».
– Карл Юнг

Звонок застал Лилит в гипермаркете. Везде – «С Новым годом!», толкотня, а она тупо смотрела на полку с майонезом, выбирая, какой жирнее залить ту самую «радость». В кармане завибрировал телефон. Вера.

– Лилит, привет! Слушай, я тут решила… сталинку свою продаю. На Бондарева, помнишь?

У Лилит в ушах на секунду стал белый шум. Помнила. Как помнит собственное дыхание.

Трехметровые потолки, которые давили не тяжестью, а простором. Как небо в деревне детства. Дубовый паркет – не просто пол, а земля. Каждая доска скрипела своим голосом, и этот скрип был точь-в-точь как скрип половиц в бабушкином доме в том самом, настоящем Бондареве – не престижном районе, а забытой деревушке на краю страны, где она родилась. Туда её душа просилась всегда, а не в этот стеклянно-бетонный муравейник, где она жила по необходимости, а не по зову. И окно. Огромное, в целую стену. Не в соседнюю гробницу, многоэтажку, а в старый парк. Стояла там тогда, дышала, и внутри всё затихало. Тишина. Не мёртвая, а звонкая. Та самая, в которой слышно, как растёт трава.

Она тогда сказала Вере, сдавленно: «Если что – я первая в очереди». И закопала эту мысль глубоко, потому что боялась даже думать.

А теперь – выстрел. Прямо в сердце. Моё. Слово отозвалось не в голове, а во всём теле, жаркой волной от макушки до пят. Не квартира. Обитель. Как дом Веды из снов. Только здесь, в грешном, шумном, вонючем мире.

И тут же, как из-под земли, выросли и впились в эту радость страхи. Зубастые, практичные. Деньги. Цифры, которые Вера назвала, прочертили в мозгу линию. За ней – ипотека, долги, нервотрёпка. Надо продавать свою квартиру. А её ещё продать! А если не купят? Или купят за грош? И она останется… вообще ни с чем. Без крыши. С двумя детьми на руках. Эта мысль – как ледяная рука сжимает горло.

Люди. Что скажут? Она уже слышала эти голоса в своей голове, наложенные на лица родни, подруг: «На Бондарева? Да это же старьё! Там колонка на кухне, деревянные полы!

Ты в прошлый век провалиться хочешь?» И ей становилось стыдно. Стыдно за свою тоску по этим «деревянным полам», по этому «старью». За то, что её не манили гламурные новостройки, а манил этот дубовый паркет, пахнущий её детством, её землёй.

Дети. Люк и Лучия. Они выросли здесь, в городе. Их мир – это ровные стены, лифт, быстрый интернет. А тут – скрипучие полы, высокие холодные окна, старый, не модный район. А если они взбунтуются? «Мама, мы не хотим тут жить! Это старьё!» И тогда случилось неожиданное.

Не из головы пришёл ответ. Не из логики. Он поднялся снизу – из таза, из позвоночника, из тех самых «корней», что она искала в дубовом паркете. Это был голос, который был старше её страха, старше мнения соседей, старше самой идеи «успешной матери». Голос рода.

Ради детей, любого сожру!
Надо убить – сяду в тюрьму!
Я не отвергну, и я не сбегу!
Я их все телом спасу!
Надо быть сильной – буду такой!
Надо уснуть – с ними усну,
надо сожрать – даже не дрогну, шкуру сдеру!
Я за них все боли пройду, я ради них феникс включу!
Пусть я умру, но их не оставлю!
Пусть я сгорю, но их не предам!
Все пусть идет своим чередом…
всем путник подвластен,

Я спину свою подставлю им вслед!
И Счастье их будет мне праздник!

Он звучал не как шёпот, а как нарастающий гул, как вибрация земли перед извержением. Он не спрашивал разрешения. Он изрекал. И Лилит, стоя магазине, внезапно услышала его так ясно, будто кто-то сказал это прямо ей в ухо, на древнем, забытом языке, который её тело понимало без перевода.

И в самом сердце этой ярости, в самом центре этих слов, родилось новое понимание.

Это не про то, чтобы умереть за них, – пронеслось у неё в голове. – Это про то, чтобы жить за них. По-настоящему. Счастье родителей, единственный ключ к счастью детей.

А сейчас для Лилит было счастье там, где пахнет деревом, а не пластиком. Где потолки – как небо. Где скрип половиц – это голос истории, а не дефект ремонта.

Сталинка – и есть тот самый акт безумной, яростной любви. Не подставить спину для удара, а построить крепость. Дать им не просто крышу, а почву. Корни. Даже если сейчас они этого не поймут. Страх не исчез. Но стал тише.

А в ушах – голос Веры, лёгкий, будто речь о паре джинсов:

– Я, в общем, после десятого других покупателей начну водить. Ты думай, конечно, но…

До десятого. Слово повисло в воздухе, отсекая время. Праздники. Все будут смеяться, есть мандарины, а она… она будет решать. Жить по-старому или шагнуть в новое, которое страшнее любой темноты.

Она не помнила, как расплатилась и вышла. Стояла у входа, а мимо шли люди, несли пакеты, смеялись. И в этой толпе её накрыло.

– Ой, а мы в новостройку переезжаем, на четырнадцатом этаже, вид – огонь! – неслось справа.

– Да мы тоже квартиру купили, ремонт сейчас делаем, евроремонт, всё умное! – вторило слева.

Голоса врезались в сознание, как ножи. Все – вверх. Все – к чему-то новому, блестящему, современному. А её тянуло – назад. В пахнущие деревом полы. В высокие потолки, которые надо отапливать. В район, где во дворе, может, и правда колонка. И от этого контраста стало так одиноко, что захотелось выть. Но стоило ей закрыть глаза……и она уже не в шумной толпе.

Она в той комнате. Пустой. Солнечный квадрат на дубовом полу. И она лежит на этом полу, щекой прижавшись к шершавому, тёплому дереву. И это не пол. Это поле. Поле синей-синей лаванды. И вокруг, куда хватает глаз, растут густые кусты алых роз. И над головой – не потолок, а небо Сада Веды. Тихое, глубокое, своё. Обитель. Не дом. Не квартира. Обитель.

И от этого видения снова перехватывало дыхание. От жгучей, почти физической жажды этого. И от леденящего ужаса перед шагом, который к этому ведёт.

Вся дорога домой прошла в войне. Одна часть её, дикая, корневая, кричала хрипло: «Бери! Это твоё! Это твоя земля здесь, в аду города! Это корни!» Другая, вымученная годами выживания, скулила в страхе: «Не потянешь. Осудят. Дети отвернутся. Останешься на улице. Пусть лучше будет просто красивым сном. Безопасным. Нереальным.»

Лилит шла, и казалось, что мир раскололся. Ноги ватные. А дома Тишина. Дети ещё у бабушки. Лилит села на диван, будто кость сломала. Голова гудела, как улей. Мысли – стая ворон: деньги, паркет, дети, колонка, стыд, восторг, страх. Они клевали мозг. Кружились. Она закрыла глаза, просто чтобы не видеть комнату, эту свою, тесную, уже чужую. И провалилась. Не в сон – в забытьё. А из забытья – туда.

«Лилит пятнадцать лет. Сирень, ее день рождение и его короткое привет в коридоре.

Он давал. Не любовь – надежды. Крошки с барского стола внимания. Взгляд подольше. Случайное прикосновение к рукаву. Смех над моей шуткой. А потом – отворот. Разговор с другой. Её смех в ответ.

Лилит жила чувствовала ту боль, когда он ее не выбирал, которая пронизывала все ее существо. Но она тихо и молча страдала, а точнее убегала в свой вымышленный мир.

И тогда Лилит показалось, что ее не выбрали, потому что она плохо старалась, ходила в тишину и не боролась… Тогда она была слишком мала, чтобы сделать правильные выводы.

И тогда, в пятнадцать, в слезах и соплях, в полной тьме непонимания, я вынесла приговор себе и миру. Ошибочный. Кривой. Но железный:

«Значит, надо БРАТЬ. ДОКАЗЫВАТЬ. ДОБИВАТЬСЯ. БОРОТЬСЯ. Любовь не приходит сама. Её завоёвывают. Как крепость. Если тебя не выбрали – ты недостаточно дралась. Значит, надо драться сильнее. Стать другой. Громче. Настойчивей. Лучше.»

«Я не знала тогда, маленькая, дура, что бороться надо не с миром, а с собой. Со своей жаждой обладания. Со своей иллюзией, что можно заслужить любовь, как пятёрку по математике. Что можно дожать человека до нужного чувства.

Я не знала. Я просто взяла этот кривой меч – «бороться» – и пошла с ним по жизни. И дралась. Следующие двадцать лет. Со всеми и за всё. С парнями, которые были не те –

доказывала, что я «та самая». С мужьями – что я достойна быть любимой. С детьми – что я хорошая мать, даже когда срывалась. С системой – что я могу быть успешной.

С самой собой – что я могу быть лучше, умнее, стройнее, светлее. БОРОЛАСЬ. Это было моё основное состояние. Осанка. Взгляд. Сжатые кулаки во сне. Я не умела по-другому. Ждать? Доверять? Отпускать? СМЕШНО. Мир не даёт просто так. Мир надо брать. Иначе – проиграешь. Останешься у разбитой любви в пятнадцать лет навсегда».

Лилит дёрнулась на диване. Открыла глаза. В комнате был вечерний сумрак. Щёки мокрые. По спине – холодный пот, липкий, как тогдашний стыд. Сердце билось, словно и правда только, что Лилит только что была в той подростковой войне. В горле стоял ком. А в голове, поверх гула про квартиру, звучали новые слова. Чёткие. Твёрдые. Не мои – а будто кто-то внутри продиктовал, выбил на камне: «НЕТ. Я БОЛЬШЕ НЕ БОРЮСЬ.»

Тишина. Эхо. «На всё – воля Бога. Если квартира – МОЯ, она меня дождётся. Если продадут – значит, не моя. Значит, будет другой вариант. И, возможно, лучше.» Произнесла Лилит вслух, чтобы сама себя слышать.

Глава 10. Сон о шакалах, или Прощание, которое пришло во сне

«Чтобы стать целым, нужно не отбрасывать свою тень, а вступить с ней в диалог». – Карл Юнг

За последний год Лилит очень много училась. Получила несколько сертификатов. Работала всё глубже как коуч-трансформатор. Но внутри всё сжималось в комок – от разочарования и выгорания.

Какой же я специалист? Да, дипломы. Хоть соли! Но кому они нужны? Если продавать через боль или обещанный фальшивый результат – не могу и не хочу. А по-другому – где брать клиентов?

И какой я, нафиг, специалист без своего результата?

Кто я? Потеряла здоровье от всех своих «трансформаций». Все свои 40 – на лице. Тесная квартира. И недавний разрыв отношений. Да и прекрасные, очень любимые дети – Лучик и Лучия – подростки современного мира, не понимающие сострадания, мечтами избалованные и совсем не знающие, чего хотят! И где я? Какая я мать? Какой бизнесмен?

Всё это крутилось колесом в голове. И какие тут подводи итоги года?

Но главное – что она слышала не раз на всех своих семинарах: то, что ей пора порвать со старой версией себя.

Да, она понимала, что сильно поменялась.

И гуляя по лесу, Лилит видит себя. Красивую, весёлую, у которой вроде бы всё под контролем, довольную – такая молодец! Которой она считала себя ещё несколько лет назад.

Но ужас: стая шакалов сдирает с неё всю плоть и съедает остатки, как вороны, кружась над падалью.

…И вот она уже не наблюдала со стороны. Она была той женщиной. Чувствовала, как клыки рвут плоть, которую она так лелеяла – ту, что улыбалась на фото, выступала с мастер-классов, носила маску «всё под контролем». Боль была не физической, а стыдливой, унизительной. «Меня едят за то, кем я притворялась».

И в этот миг, в самом центре кошмара, внутри неё – не в теле, а в том, что оставалось, когда тело было съедено, – вспыхнула не ярость, а ледяная ясность. «Это не я. Это оболочка. И её время кончилось».

И тогда во сне она открыла глаза, обращённая внутрь себя. Не слепота, а всевидение. ЕЕ молчаливые губы, не открывая рта выдавали слова. Да не крик, не шепот. А настоящее заклинание…

И почувствовали бесы новое мясо, чистой кровью пролитое вновь.
Вот вы бесы решили взобраться поселиться на улице вновь!
Очищенье вам явно невкусно, хочется меня вам снова сожрать!
Но не дам я вам плоти, и за душу спиною буду стоять!
Не для вас это светлое место, не для вас эта ночь тишины,
Она теперь здесь отныне, моя вновь твердыня, и не взять вам моей высоты!
Вам меня не поймать не старайтесь, и испуг вы возьмите себе!
В светлом поле на ровной равнине, не укрыться вам в боли внутри!
Нет ни зла, ни печали для вашей могилы!
Нет тех мест – где вас ждут!
Вы летите отныне все мимо,

Ппролетая, хоть рядом, не тут!
Вам дорога закрыта, вам здесь больше не рады,
не найдется для вас здесь больше приют,
только свет обожжет и проплавит,
так что смело летите, ползите в свой путь!
Здесь дорога закрыта, тут в сердце любовь!
Здесь во имя навеки, светом.
Проложен мой путь в тишине!

Слова падали не звуками, а раскалёнными печатями. Каждая строчка прожигала воздух, оставляя в нём след. Шакалы взвыли, но уже не от голода – от ужаса. Они хотели поживиться страхом, трусостью, обидой и потерей воли. А перед ними возникло что-то другое, не вкусное, опасное и непостижимое. Воля. Суверенитет.

«Это моя территория» – прозвучало финальным ударом.

Кошмар затрещал по швам и разлетелся, как остатки пепла, сожженного листа.

Лилит проснулась. Сердце билось ровно и громко. Не от страха. От силы. Уфф. Это был сон. Страшный, безумный, ужасающий сон. Но почему-то она понимала, что там осталась та девочка, которая исчерпала свой ресурс. Та, которая должна была вырасти. Переродиться. И старая версия себя… всё. Она закончилась. Теперь – только новая.

Лилит выдохнула и поняла, что это и был её мистический ритуал, о котором она слышала уже год. Это и был тот порог, через который должна была пройти её психика.

Так как бабочка не появляется из гусеницы. Гусеница в коконе полностью растворяется. И из нового, преображённого ДНК рождается бабочка. Причём – в своё время. …Старая версия себя… всё. Она закончилась. Теперь – только новая. И где-то на краю сна она слышала смех – детский, звонкий. Тот, что был когда-то и будет ещё. Этот смех и был её главным «зачем». Чтобы они знали: меняться – не страшно.

Смерть машет. А машет она всем.
Кому-то в спину дышит,
Кому-то наступает на лапки тихо.
Идёт она за каждым – с самого рассвета до заката!
В свой срок, отмеченный, придёт.
Кому какой отмерен срок? И всем ли это благо?
Кому идти тот путь в толпе?
Кому-то – в одиночку, но с наградой.
Кому-то – быстро, словно вдох!
Кому-то – долго-так, что уж не надо…
Но только там – не обрывается та нить.

Мы все тут связаны с Ним – Богом.
И мы – творение Его.

А смерть – всего лишь половина.
А может, вовсе – миг,
Как миллион ночей в отдельной жизни!
А может, лишь Порог. И вход…
И перевёрнута страница.
Порой не та. Порой больна.
Порой так рано – что, о Боже…
Но всем она предрешена, записана с рожденья!
Там – сила бытия, цикличность восхожденья!
И новое начало ждёт. И здесь, сегодня.
Мы умираем каждый день,
Чтоб завтра – чудом воскреситься…
Прозреть. И увидать нам наконец —
там не конец! А встреча.
С тем, что истоком в нас течёт,
Что мы зовём Любовью.
И Светом. Богом. Палачом.
Всё связано во веки, на этой на планете.
И связано в одном, едином человеке!

Глава 11. «КОДЫ»

«Пока вы не сделаете бессознательное сознательным, оно будет управлять вашей жизнью, и вы будете называть это судьбой».
– Карл Юнг

Тишина после полуночи оказалась гуще праздничного шума. Лилит стояла перед зеркалом, держа в руке пустой бокал – последний из двух. Второй лежал на полу осколками, сверкавшими как слезами, как обломки старой реальности. Она не стала их собирать. Пусть лежат – памятник тому, что больше не склеить.

«С Новым годом, – прошептала она в пустоту. – С новой жизнью. Без тебя».

Её сообщения Леону висели в телефоне как законченные главы. Она написала ему утром – честно, прямо, без утайки. Сказала то, что годами боялась признать даже себе. Да, она уже жила с пониманием, что их пары больше нет. Но новогодняя ночь и старые традиции – те, по которым Леон всегда приходил, – невольно навестили её и в этот раз. Он не пришёл. А чётко понимая, что она всё равно ждёт – несмотря на все предыдущие расставленные точки, – предложил зайти, если она захочет. И вот оно – её последнее смс.

Привет, мой дорогой Леон. Вчера ты сделал выбор, и он был виден и нерушим. Я его услышала, увидела и почувствовала. То, что меня нет в твоей системе ценностей и твоей жизни – твой выбор и твоя реальность. Но для меня это больше не поражение – а факт. Ты же для меня всё равно был, живёшь и останешься в моём сердце навсегда. И это тоже нерушимо.

Она пожелала ему найти свою внутреннюю правду. И отпустила. Не для диалога. Для целостности.

Его ответ пришёл позже. Короткий, плоский, как будто скользящий по поверхности:

Я не противоречил твоим желаниям.

Она прочитала и… не разозлилась. Не заплакала. Она прочувствовала. Сквозь текст, сквозь экран, сквозь ледяное молчание. Это была не реплика, а зеркало пустоты. Фраза-призрак, фраза-щит. За ней не стояло ни боли, ни сожаления, ни даже желания быть понятым. Только удобная версия, в которую можно спрятаться. Лилит ответила просто:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.